

**А. В.
ЛУНАЧАРСКИЙ**

**ВОСПОМИНАНИЯ
И ВПЕЧАТЛЕНИЯ**

А. В.
ЛУНАЧАРСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ
И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
Москва 1968

Для Писанова
№ 2000-3858/13

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО*

детство мое прошло под сильным влиянием Александра Ивановича Антонова, который — хотя и был действительным статским советником и занимал пост управляющего контрольной палатой в Н.-Новгороде, а потом в Курске — был радикалом и нисколько не скрывал своих симпатий к левым устремлениям¹.

Совсем крошечным мальчиком я сиживал, свернувшись клубком, в кресле до относительно позднего часа ночи, слушая, как Александр Иванович читал моей матери «Отечественные записки» и «Русскую мысль». Комментарии, которыми сопровождалось чтение сатир Щедрина или другого какого-нибудь подходящего материала, западали мне в душу.

В моих разговорах со сверстниками я еще мальчиком выступал, как яростный противник религии и монархии. Помню, как, забравшись к серебрянику, жившему в нашем дворе, я схватил небольшую иконку, не помню какого святого, и, стуча ею по столу перед разинувшими рот, обедавшими в то время подмастерьями серебряника, самым заносчивым образом кричал, что представляю богу разразить меня за такое оскорбительное

* В книге «Великий переворот» (1919) статья начиналась словами: «Социал-демократом я стал очень рано. Можно сказать, что мое революционное самосознание сразу определилось как более или менее марксистское. Революционером же я стал так рано, что не могу даже припомнить, когда я им не был».

отношение к его приближенному и что считаю отсутствие непосредственной кары за мою дерзость явным доказательством несуществования самого бога.

Несмотря на то, что я был «барский сын», серебряник ухватил меня за ухо и потащил к матери, совершенно возмущенный и испуганный таким поведением, которое чуть было не навело его на мысль, что я не кто иной, как маленький антихрист. Матери стоило некоторого труда успокоить серебряника, хотя и она, и Александр Иванович Антонов, в доме которого мы в то время жили, отнеслись к этому не только добродушно, но даже с юмором, не лишенным оттенка одобрения.

Бывали не менее комические случаи с пропагандой против абсолютизма. Но все эти подражания и выходки, навеянные революционными и полуреволюционными разговорами в моей семье, являлись только фоном, на котором позднее стал вырисовываться узор моих ранних, но твердых и закрепившихся на всю жизнь политических убеждений.

В это время я весьма пренебрежительно относился к гимназической программе², считая гимназию и все исходящее из нее тлетворным началом и негодной попыткой царского правительства овладеть моей душой и наполнить ее вредным для меня содержанием, так что учителя считали меня мальчиком способным, но ленивым. Между тем я с колоссальным прилежанием учился сам, и к многочисленным урокам новых языков, музыки и усердному чтению классиков русской беллетристики присоединил серьезнейшее занятие, например, «Логикой» Милля и «Капиталом» Маркса*.

Начиная с 5-го класса началась для меня в политическом отношении новая жизнь. К этому времени уже среди киевского студенчества проявилось социал-демократическое движение и объявился контур первой организации, сыгравшей некоторую роль при созыве так называемого Первого партийного съезда³.

Партийные товарищи припомнят, да об этом отчасти свиде-

тельствует «История социал-демократии» Лядова, что Киевское объединение сыграло довольно видную роль в этом первом акте собрания нашей партии.

Товарищи Тучапский, Петрусевич, Спилоти, тов. В. Г. Крыжановская и некоторые другие являлись более или менее пионерами этой студенческой дружины.

Мы, гимназисты и реалисты, имели, конечно, косвенную связь со студентами, но, по правде сказать, развивались самостоятельно и, пожалуй, более бурно и более широко.

Вначале я стоял в стороне от этого гимназического движения. Первый строго выдержанный кружок марксистов включал в себя целый ряд лиц, имена которых так или иначе потом стали известными. Руководящую роль играли, пожалуй, два выдающихся поляка, из которых один погиб потом при очень трагических обстоятельствах (Адам Робчевский), а другой играл видную роль в социал-демократических кружках юга (Иосиф Мошинский)⁴. К кружку принадлежали также чрезвычайно талантливым тов. Логинский, тов. Шен, Вержбицкий, Вайнштейн, Плющ, Неточаев, в большинстве случаев многие годы работавшие позднее в социал-демократической партии, иногда со значительным успехом. Были, конечно, и такие, которые позднее отошли. Игорь Кистяковский был также деятельным и влиятельным членом этого круга лиц. К ним же относились Н. Бердяев⁵ и некоторые другие.

В пятом классе ко мне обратились из этого молодого центра с просьбой организовать филиальный кружок в моем классе. Очень скоро у нас окрепла организация, охватившая все гимназии, реальные училища и часть женских учебных заведений. Я не могу точно припомнить, сколько у нас было членов, но их было во всяком случае не менее 200. Шли деятельные кружковые занятия, где рядом с Писаревым, Добролюбовым, Миртовым⁶, зачастую также изучением Дарвина, Спенсера, шли занятия политической экономией по книгам Чупрова и по нелегальной литературе социал-демократического характера.

К нелегальной литературе мы относились с благоговением, придавая ей особое значение, и ни от кого не было скрыто, что кружки наши являются подготовительной ступенью для партийной политической работы.

Мы устраивали также митинги, большею частью за Днепром, куда отправлялись на лодках. Поездки на лодках на всю ночь были любимым способом общения и, я бы сказал, политической работы для всей этой зеленой молодежи.

Заключались тесные дружбы, бывали случаи романтической

* В книге «Великий переворот» здесь следовали слова: «Первый том «Капитала» именно в это время, в 4-м классе гимназии, был мною пропитуирован вдоль и поперек. Хотя он и позднее был мною неоднократно перечитан, но основное знакомство с ним получил я именно в 13 лет, как это, может быть, ни покажется странным, и сейчас, когда мне нужно припомнить что-нибудь из великой книги или цитировать ее — я, беря в руки том, живо припоминаю тот клеенчатый диван, на котором я обыкновенно сидел перед лампой, жуя что-нибудь и перечитывая по два, по три раза каждую главу, испещряя ее целой системой изобретенных мною пометок синим и красным карандашом».

любви, и я и сейчас с громадным наслаждением вспоминаю мою юность, и до сих пор многие имена вызывают во мне теплое чувство, хотя многие из моих тогдашних друзей отошли или от жизни вообще, или от жизни политической.

Настоящую политическую работу я начал в 7-м классе. Я вступил тогда в партийную организацию, работавшую среди ремесленников и пролетариев железнодорожного депо в так называемой «Соломенке», в предместье Киева. Главным руководителем этой организации был мой друг, ученик того же класса и той же первой гимназии Д. Неточаев. Но роль наиболее бойкого агитатора-пропагандиста перешла тотчас же ко мне.

Занятия мои с рабочими «Соломенки» продолжались не очень долго, так как вскоре после этого организация была потрепана полицией, а затем наступила необходимость отъезда за границу.

Тем не менее я считаю именно эту дату, т. е. 1892 или, может быть, 1893 годы, датой моего вступления в партию. В то же время дал я первые статьи в гектографскую социал-демократическую газету.

Умственным центром тогдашней социал-демократической жизни была проживавшая за границей группа «Освобождение труда», состоявшая из Плеханова, Аксельрода, Веры Засулич и Дейча. Их нелегальные работы являлись существенной пищей для нас — неофитов марксизма.

К концу, однако, моего пребывания в гимназии появился уже и чисто русский марксизм с попытками найти легальное выражение.

Колоссальное впечатление произвело на нас появление первой книги П. Струве⁷. В Киеве она была вся распродана в кратчайший срок. Мы изучали ее в кружках и принимали без большого спора многие ее, на деле рискованные, положения.

Деятельность Струве и Туган-Барановского происходила главным образом в Москве и Петербурге, но волнения, вызванные дискуссией в Вольно-экономическом обществе и защитой диссертации Туган-Барановского в Москве⁸, доходили и до нас.

Должен сказать, однако, что лично меня рядом с революционной практикой интересовала не столько политическая экономия или даже социология марксизма, сколько его философия. И здесь идеи мои не были абсолютно чисты. В последних классах гимназии я сильно увлекался Спенсером и пытался создать эмульсию из Спенсера и Маркса. Это, конечно, не очень-то мне удавалось, но я чувствовал, что необходимо подвести некоторый серьезный позитивный философский фундамент под здание Маркса. Мне

было ясно также, что фундамент этот должен находиться в соответствии с теми немногими, но гениальными положениями, которые установлены самим Марксом в его, скудном страницами, но богатом содержанием, философском наследии.

Знакомство с доктором философии Бернского университета Новиковым, много рассказывавшим мне о цюрихском профессоре Авенариусе, и чтение, по его указанию, сочинений Лесевича⁹, посвященных этому философу, вызвали во мне живейший интерес к эмпириокритицизму. Вот почему ко времени окончания гимназии у меня твердо установился план победить во что бы то ни стало сопротивление семьи и, устранившись от продолжения моего образования в русском университете, уехать в Цюрих, чтобы стать учеником Аксельрода, с одной стороны (к нему я имел хорошие рекомендательные письма), Авенариуса — с другой. Кстати, ввиду моей довольно явной политической неблагонадежности, педагогический совет Киевской первой гимназии, выдавая мне аттестат зрелости (далеко не блестящий вообще), поставил там «4» по поведению, что ставило большие затруднения при поступлении в русский университет.

Эти затруднения я еще преувеличил в глазах моей матери и, обещав ей возвращаться в Россию на все каникулы, выхлопотал для себя право отправиться за границу¹⁰.

Занятия мои в Цюрихском университете, продолжавшиеся менее года, были очень плодотворны; более или менее благотворно действовала уже сама жизнь за границей, богатство цюрихской библиотеки, широкие ресурсы Цюрихского университета и интеллектуально высокая среда тогдашнего нашего русского студенчества в Цюрихе.

Больше всего я, конечно, почерпнул от тех людей, использование которых входило в мой план. Вообще, в эти годы (мне было тогда 19 лет) я чувствовал себя совершенно самостоятельным и слышать ничего не хотел о прохождении курсов, согласно одобренным программам.

Я завалил себя книгами по философии, по истории, социологии и сам составил себе программу, комбинируя философское отделение факультета естественных наук, его натуралистическое отделение и некоторые лекции юридического факультета и даже цюрихского политехникума.

Важнейшими курсами в этой моей программе явились: анатомия у Мартина, физиология у Гауле, особенно физиология ощущений у Власака, политическая экономия у Платтена.

Но, разумеется, все отступало на задний план, в смысле моих университетских занятий, перед работами у Авенариуса. У него

я слушал курс психологии, по которому я вел записки и участвовал в обоих семинариях: философском и специальном по изучению био-психологии, т. е. его сочинения «Критики чистого опыта»¹¹. Занятия под руководством Авенариуса, несмотря на свою относительную непродолжительность и большие трудности, которые я встречал в том обстоятельстве, что, совершенно свободно читая и понимая немецкий язык, я плохо практически владел им, оставили глубокий след на всю мою жизнь...

Мне казалось, что я привел в полное согласие этот наиболее последовательный и чистый вид позитивизма с философскими предпосылками Маркса¹². С этим, однако, не очень-то соглашался мой непосредственный учитель в области марксизма П. Б. Аксельрод¹³. Аксельрод был первый очень крупный марксистский мыслитель, с которым я встретился на своем веку.

В то время он жил со своей довольно многочисленной семьей скромно, зарабатывая свое существование небольшим кефирным заводчиком и вечно возился со своими бутылками. Больной, страдающий мучительными бессонницами, от которых он лечился гипнозом у Фореля¹⁴, Павел Борисович располагал сравнительно ничтожным количеством времени для своих кабинетных занятий. Писал он мало, туго и мучительно, говорил несколько скучновато, но чрезвычайно содержательно. Делом моего пресвещения он очень увлекался. Мы делали с ним большими друзьями, и я стал своим человеком в семье. Позднее он полнотой признавался, что у него была идея выдать за меня замуж свою дочь. Да и так он был настоящим моим духовным отцом. Он часто отодвигал всякие свои другие дела, чтобы побольше беседовать со мной. Поощряя мои литературные опыты, он внимательно вслушивался в мои рефераты в кружках молодежи, хотя и подвергал их порой весьма суровой критике. Главным образом он ополчился на мои спенсерянские воззрения на общество, как последовательно эволюционирующий организм. Здесь Аксельроду очень скоро удалось разбить эти мои предрассудки и очистить мое марксистское миросозерцание.

Не то было с Авенариусом. В области философии я держался крепко и продолжал думать, что эмпириокритицизм является самой лучшей лестницей к твердыням, воздвигнутым Марксом.

Вскоре после моего переезда в Цюрих посетил его Г. В. Плеханов¹⁵. Я встретился с ним на большом собрании, устроенном поляками, которые враждовали между собой, делясь на два лагеря: пепезов (Польская партия социалистическая) и польских социал-демократов.

Во главе польских социалистов в Цюрихе стоял известный

польский революционер Иодко, позднее один из вождей так называемой фракции. Во главе социал-демократов стояли совсем еще молодая Роза Люксембург и тов. Мархлевский.

С Розой Люксембург я встречался также на лекциях ультра-буржуазного политикоэконома Вольфа. Мне неоднократно приходилось слышать Розу, когда она своим кусательным и проническим красноречием разбивала буржуазные хитросплетения Вольфа, так что он перед всеми своими ужаснувшимися швейцарскими питомцами, несмотря на несомненную находчивость и недюжинную ученость, оставался, как рак на мели, жевал, бормотал и терялся. Я очень уважал в то время Розу и даже своеобразно увлекался ею. Мне чудилось в ее маленькой, почти карликовой, фигуре с большой выразительной головой на слабых плечах что-то почти сказочное и немножко дьявольское. Уже в то время она была во всеоружии общественного знания и своего блестящего и холодного ума при пламенном революционном темпераменте.

Плеханов выступил как раз после дискуссии, во время которой Роза как нельзя лучше справлялась с несколько тяжеловесным и замкнутым Иодко. И после ее сарказма и взрывов пафоса красивый человек, о котором с таким уважением возвестил аудитории уже тогда седой как лунь Грейлих — и сейчас еще через 20 лет являющийся одним из вождей швейцарского движения, — показался мне немножко пресным и чуть-чуть разочаровал меня.

Зато чистым очарованием была беседа с Плехановым в тот же вечер. Здесь он показал всю увлекательную живость и красноречие своей непосредственной беседы. Мне кажется, что за всю жизнь я встретил только двух собеседников, столь исключительно блестящих, можно сказать, фейерверочных. Это были Г. В. Плеханов и М. М. Ковалевский¹⁶.

Разумеется, мы сейчас же схватились с Плехановым. По молодости лет я тогда никого не боялся и свои воззрения защищал с величайшей запальчивостью и дерзостью. Конечно, мне немало досталось от Плеханова. Его нападения на Авенариуса были, однако, слабоваты, ибо для меня, знавшего в то время своего Авенариуса пасквозь, сразу стало видно, что Плеханов даже не читал его, а судит о нем понаслышке. Зато, конечно, переворот произвела во мне необыкновенно тонкая критика Шопенгауэра, которого я в то время изучал, и настоящий дифирамб, вдохновенный и глубокий, который Плеханов произнес в честь Шеллинга и Фихте. О Гегеле мы, конечно, не спорили, хотя я в то время не добрался еще до изучения Гегеля в подлинных главных его

сочинениях. Фихте же и Шеллинг казались мне талантами, и я думал ограничиться тем небольшим количеством сведений, которые получил от них из истории философии Куно Фишера.

Первым и непосредственным результатом моей беседы с Плехановым было то, что я на другой же день отправил томы Шопенгауэра назад в библиотеку и навалил у себя на письменном столе томы Фихте и Шеллинга. Я и сейчас бесконечно благодарен Плеханову за то, что он сосредоточил мое внимание на этих двух великанах. Я вынес из изучения их бесконечное количество радости, и на всю жизнь, до сегодняшнего дня, я чувствую огромное благотворное влияние исполинов немецкого идеализма на мое мирозерцание. Только для Плеханова Фихте и Шеллинг были просто интересными предшественниками Гегеля, в свою очередь, подножия Маркса, а для меня они во многом оказались самоценностью; сам Маркс озарился для меня новым светом.

Благодаря им я сумел также оценить высокое и самостоятельное значение Фейербаха.

Замечания Энгельса о Фейербахе¹⁷, которых твердо держался Плеханов, конечно, во многом метки и верны, но те, кто не читал сочинений Фейербаха и просто отмахиваются от него этими немногочисленными замечаниями Энгельса, — на мой взгляд не могут вникнуть в эмоциональную и этическую сторону научно-социалистической идеологии.

Плеханов, обратив мое внимание на великих идеалистов Германии, сделал гораздо больше, чем хотел. Он думал только заставить меня подойти к Марксу так, как он подошел к нему сам, но в результате получилось другое представление о марксизме, которое сказалось позднее в моем сочинении «Религия и социализм»¹⁸ и вызвало горячую и враждебную отповедь Плеханова¹⁹.

Меньшее значение для меня имело увлечение Плеханова энциклопедистами и материалистами XVIII века. Я и сейчас люблю их, особенно Гельвеция и Дидро, но тем не менее они стоят несколько в стороне от моего мирозерцания.

Позднее, когда я приехал к Плеханову в Женеву и прожил несколько дней в непосредственной близости с ним, почерпнул у него еще один элемент.

Я уже в то время чрезвычайно пристально интересовался вопросом искусства в связи с историей культуры. У Плеханова я впервые встретился с большим, собранным им материалом, освещенным несколькими необыкновенно яркими мыслями и

служившим подтверждением марксистского подхода к истории искусства. Очень многое, о чем я тогда говорил с Плехановым, многие выводы, которые я тогда сделал из его слов, остались опять-таки постоянным моим приобретением.

Как я уже сказал, я провел в Швейцарии менее года. Почти смертельная болезнь моего брата в Ницце заставила меня переехать туда, а затем в Реймс и Париж.

Об этой полосе моей жизни я могу не говорить ничего, так как никакой связи с крупными представителями или крупными событиями нашей партии эти три года не имели.

Лично же я продолжал углублять марксистское мировоззрение, особенно пристально работая в области истории религии, притом совершенно самостоятельно. Я почти совершенно перестал посещать лекции и работал в музеях и библиотеках, особенно в богатом музее Гиме.

Искусство и религия составляли тогда центр моего внимания, но не как эстетика, а как марксизма. На эти же темы начал я в Париже читать, не без успеха, рефераты тамошнему студенчеству.

В горячих дискуссиях с М. Ковалевским, Гамбаровым²⁰, Аничковым²¹ я выступал как страстный адепт марксистского мирозерцания.

В Париже познакомился я также со стариком Лавровым. Если не ошибаюсь, это было совсем незадолго до его смерти. Был он очень стар и жил в своеобразной норе, как будто выкопанной между книгами; читал, как всегда в жизни, чрезвычайно много и представлялся мне чудом энциклопедичности. Мне удалось иметь с ним несколько длительных и интересных бесед на темы, которые в то время более всего меня интересовали, именно о происхождении родственных мифов у самых далеких друг от друга народов и о законах эволюции мифов.

К марксизму моему он относился скептически и один раз сделал мне род ласкового выговора за неопределенность моих занятий, рекомендуя мне поступить на какой-нибудь факультет. Я ответил ему, что я против факультетов вообще и за совершенно вольное самоопределение молодежи в ее самообразовании.

В 1896 году я вернулся в Россию*.

Пробыл в России недолго. В Киеве я прочитал два реферата в духе моего тогдашнего мирозерцания, побывал мельком

* В книге «Великий переворот» сказано: «В 1896 году я вернулся в Россию для отбывания воинской повинности. Ввиду моей крайней близорукости — я был от нее освобожден».

в Москве и Петербурге и вернулся за границу, в Париж, этот раз уже ненадолго.

Здоровье моего брата, уход за которым составлял одну из главных моих забот, позволяло переезд его в Россию.

Он (Платон Васильевич Луначарский) и жена его Софья Николаевна придерживались раньше полутолстовских, полународнических взглядов, но под моим влиянием прониклись марксистскими идеями и вошли в социал-демократическую партию.

Несмотря на то, что брат мой был разбит параличом и тяжело ходил, опираясь на палку, он горел нетерпением вместе со мной начать практическую революционную работу. О том же мечтала его жена.

В 1897 году мы вернулись в Москву²², где застали в революционном отношении порядочный развал. Предыдущий Московский комитет был арестован, и от него остались только некоторые следы в лице главным образом тов. А. И. Елизаровой (сестры Ленина, к которой я имел энергичные рекомендательные письма от Аксельрода) и тов. Владимирского.

Вместе с ними мы приступили к организации нового Московского комитета. К нам примкнуло несколько социал-демократов, большею частью приезжие из провинции. В близких отношениях с нами был кое-кто из молодежи и, конечно, рабочие, в особенности с завода Гужона и Листа. Работа постепенно стала налаживаться. Нам удалось устроить небольшую типографию, удачно провести забастовку на заводе Листа, выпустить ряд гектографированных, а в последнее время и печатных листов, основать несколько кружков революционного самообразования и т. п.

Мы, конечно, менее всего догадывались о том, что в нашей среде уже имелся прямой агент охранного отделения, а именно А. Е. Серебрякова²³, в доме которой мы собирались и которая, хотя не была членом нашего комитета, так как А. И. Елизарова по какому-то инстинкту несколько не доверяла ей, находя ее слишком болтливой, но тем не менее она знала о нашей деятельности достаточно, чтобы провалить нас.

Вскоре у всех членов нашего комитета, или почти у всех, были сделаны обыски. Мой брат и его жена остались в этот раз в стороне. Арестованы были О. Г. Смидович, я и 5—6 наших работников, в том числе кое-кто из рабочих²⁴.

Сначала дело повернулось как будто очень благоприятно для меня. Серьезных улик против меня не оказалось. Жандарм Петерс, ведший дело, заявил мне, что считает меня молодым заграничным студентом, попавшим в дурную компанию, не нахо-

дил нужным вести против меня дело и требовал, чтобы я уехал из Москвы.

Я сделал это и уехал в Киев к матери. Однако через три дня после моего приезда в Киеве вновь был сделан обыск, и после полуторамесячного сидения совместно с Урицким в тюрьме²⁵ я был препровожден в Москву.

На этот раз дело повернулось хуже. Мое участие и в некоторой мере руководящее участие в Московском комитете было ясно для жандармов. Из показаний, которые мне дали прочесть, я убедился, что вся картина почти нашей деятельности уже раскрыта, за исключением некоторых обстоятельств, касавшихся моего брата и его жены, чему я был искренно рад. Кое-какие мои действия, однако, были приписаны другим лицам и сильно усугубляли их вину. Ввиду этого я решился дать показания, точно устанавливающие мою роль, снимавшие ответственность кое с кого из случайно попавших в наше дело и направленные к сокращению напрасной траты времени на следствие.

Несмотря, однако, на это, мне пришлось просидеть, так же как и остальным арестованным, в Таганской тюрьме 8 месяцев в одиночном заключении.

Это было очень хорошее время. Правда, вследствие почти полного отсутствия прогулок, а может быть, и неважного питания, наконец, вследствие усиленной работы умственного характера я почти потерял сон и часто не спал целыми неделями. Однако внимательное отношение тюремного врача, в этих случаях предписывавшего мне холодные ванны, давало мне возможность перемотаться в смысле здоровья. Зато в духовном отношении эти 8 месяцев представляют один из кульминационных пунктов моей жизни.

Мне давали полную возможность выписывать книги, на что я тратил все деньги, которые получал от матери. Я прочитал целую библиотеку книг, написал множество стихотворений, рассказов, трактатов. Некоторые из них и сейчас находятся в моих бумагах. К этому времени относится окончательная выработка моих философских воззрений...

В начале 98-го года мы были освобождены²⁶, и мне предложено было выбрать город, в котором я должен был подождать до окончательного приговора, причем жандарм Самойленко обещал, что приговор последует через 2—3 месяца.

На самом деле я прожил в Калуге, которую выбрал, целый год, а приговора все не было. Пребывание мое в Калуге играло довольно важную роль в моей личной жизни, а также в моей жизни как социал-демократа.

Здесь я коснусь только тех сторон, которые характеризуют жизнь нашей партии в крупном провинциальном городе. Хотя я выбрал Калугу совершенно случайно, но в высшей степени удачно, ибо в Калуге ожидали приговоров выдающиеся люди, сыгравшие позднее заметную роль в истории русской социал-демократии. Там жил Богданов (Малиновский), с которым мы очень сдружились, тем более что наши философские воззрения были во многом родственны, и числились в рядах социал-демократов ближайшими соратниками...²⁷

Ближайший друг Богданова — Базаров (Вл. Руднев) вскоре также переехал в Калугу. Очень близок был в то время к нам И. И. Скворцов (Степанов), уже тогда отличавшийся огромной эрудицией в области экономики и истории рабочего движения. Наконец, поселился с нами не так близко с нами сросшийся, но все же чрезвычайно интересный для нас Б. В. Авиллов, перед тем уже выступавший в литературе, в журнале Струве «Начало».

Я думаю, что в то время в России не много было городов, где можно было бы отметить такой кружок сил марксистов. Притом же нас всех объединял некоторый оригинальный уклон. Мы все глубоко интересовались философской стороной марксизма и при этом жаждали укрепить гносеологическую, этическую и эстетическую стороны его, независимо от кантианства, с одной стороны, к которому уже начался в то время уклон, позднее столь заметный в Германии и у нас (Бердяев, Булгаков²⁸) и, не сдавая в сторону той узкой французской энциклопедической ортодоксии, на которой пытался базировать весь марксизм Плеханов.

Богданов искал при этом совершенно своеобразных путей, но пути эти оказались соприкасающимися с эмпириокритицизмом...

Мы жили в Калуге необыкновенно интенсивной умственной и политической жизнью. Во-первых, вместе с И. И. Скворцовым я начал интенсивную пропаганду в кружках, собранных из учителей и учащейся молодежи, а затем в организации рабочих Калужского ж.-д. депо; во-вторых, мы стали в ближайшее отношение с довольно крупным фабрикантом Д. Д. Гончаровым, владельцем Полотняного завода. Полотняный завод, майорат, основанный еще Петром Великим, и очаровательнейший уголок Калужской губ., помнил и Пушкина, заветами которого и памятью о друзьях и врагах в высокой мере овеян был дворцеподобный дом Гончаровых, и Гоголя, который в восторженных выражениях отзывался о вековом парке Полотняного завода, и многих других.

Самый дом был настоящим музеем, в котором все эпохи от

Петра Великого до тогдашнего модернизма оставили яркий след. Теперь, в качестве народного комиссара по просвещению, я принял некоторые меры к охране этого замечательного уголка — конечно, не в память моего там пребывания, а ввиду знакомства моего с большим культурным его значением.

Сам Гончаров и его жена Вера Константиновна были людьми глубоко культурными, и Полотняный завод превратился в настоящие маленькие Афины: концерты, оперные спектакли, литературные вечера чередовались там, принимая зачастую весьма оригинальный и привлекательный характер.

Мне все это было чрезвычайно близко, и во всем этом я принимал живейшее участие. Но здесь меня интересуют другие стороны жизни Полотняного завода. Д. Д. Гончаров был социал-демократ: к ужасу и негодованию соседних фабрикантов, особенно владельцев завода Говарда, он ввел у себя 8-часовой день, участие в прибылях, целый ряд культурно-просветительных и хозяйственных мероприятий по образцу, приближавшему Полотняный завод к первым опытам Роб. Оуэна.

Я вскоре совсем переселился на Полотняный завод, туда же перевели мы 2 или 3 наших учеников из кружков. Нам не приходилось вести среди рабочих пропаганды в смысле борьбы с непосредственным представителем капитала, который был нашим дорогим товарищем, но это не мешало нам вести там общую социал-демократическую работу и стараться через посредство рабочих Полотняного завода влиять на рабочих Говарда и т. д.

Полиция смотрела на все это с чрезвычайным неодобрением. У меня были прекомические столкновения со становым, который не знал, как вести себя, имея, с одной стороны, перед собою ссыльного, а с другой — личного близкого друга богатого фабриканта и уездного предводителя дворянства Гончарова.

Вмешался в дело губернатор, я неясно помню его фамилию, кажется, Олсуфьев, — грузный человек, похожий на бегемота, который вызвал меня к себе и предупредил, что будет вынужден выслать меня из Калужской губ., так как обо мне дурно говорят. Особенно компрометирующим находил губернатор мою близость с теткой Д. Д. Гончарова, очень пожилой дамой, врачом, близким другом великого провансальского поэта Мистралья. Губернатор считал ее прямо каким-то страшилищем. Это дама жива и сейчас, и я недавно получил от нее письмо, в котором она упрекает нас в излишней государственности и советует двигаться по направлению вольных рабочих братств и коммун. Я думаю, что сейчас Гончаровой не менее 70 лет, и ее, хотя и наивное на мой взгляд, но полное веры в революцию письмо, в особенности после

того, как я узнал, сколько треволений пришлось ей пережить на том Полотняном заводе в острый период революции, меня глубоко тронуло.

Губернатор находил, что обо мне говорят плохо. Влияние мое в Калуге и окрестностях выросло до чрезвычайности. К этому времени все другие товарищи: Богданов, Базаров, Скворцов, Авиллов уже получили приговоры и разъехались в разные губернии. Я остался один и приобрел громкую известность. Жизнь у меня была самая разнородная, начиная от кружков самообразования среди приказчиков и приказчиц, с которыми я начал с чтения Пушкина и Шекспира, продолжая литературным кружком с весьма определенным радикально-демократическим налетом, в котором не без опаски, но с увлечением принимали участие чиновник особых поручений при губернаторе Барт и управляющий казенной палатой Племянников, и кончая чисто рабочими организациями Калужского ж.-д. депо.

Этот конец моего пребывания в Калуге я проводил действительно в каком-то кипении и несколько не удивлялся, когда товарищи, недавно посетившие Калугу, рассказывали мне, что память обо мне там до сих пор не заглохла.

Гончаровы к тому времени переехали в Москву. Я несколько раз нелегально ездил туда из Калуги и один раз во время такой поездки «зайцем» был арестован. За преступление меня приговорили к одной неделе заключения в арестантском доме, где я занимался переводом стихотворений Демеля, которые только по несчастной случайности не появились в свет, так как были позднее потеряны²⁹.

Наконец приговор пришел и оказался гораздо более мягким, чем я ожидал. Я был приговорен только к двухлетней ссылке в Вятскую губернию, — правда, это после двух лет проволочки, считая со дня моего ареста. В Вятку мне ехать до крайности не хотелось. В Вологде же в то время жил А. А. Богданов и писал мне оттуда, что туда же приехали некоторые из их старых друзей: Крыжановская В. Г. с мужем, Тучапским, организатором Спилки, Бердяев, в то время далеко отошедший от нас, но представлявший для нас живой интерес именно как противник. Кроме того, в Вологде поселились такие интересные люди, как Ремизов³⁰, Савинков³¹ с женой, дочерью Глеба Успенского, и некоторые другие.

Богданов писал мне об очень интенсивной умственной и политической жизни в Вологде...

Все это повлекло меня с большой силой в Вологду. Более или

менее самовольно выехал я в Вологду³², остановился там и оттуда подал министру внутренних дел Плеве записку, заявлявшую, что я болен, нуждаюсь в постоянном уходе и поэтому прошу оставить меня в Вологде, где живут мои близкие друзья. Надежды на такое оставление у близких мне людей не было никакой, и мы были приятно удивлены, когда тогдашний губернатор Князев получил от Плеве короткую телеграмму: «Луначарского оставьте».

Партийная жизнь в Вологде, как читатель мог уже заключить из перечисления имен тогдашних ссыльных в этом городе, была очень интенсивной. До моего приезда Ник. Бердяев стал было занимать нечто вроде доминирующего положения, его рефераты пользовались большим успехом.

Наша социал-демократическая публика поощряла меня выступить с рядом диспутов против Бердяева, противопоставляя его идеализму, в то время докотившемуся уже до признания не только христианства, но почти православия, марксистскую философию в ее более широкой и ярко-цветной редакции, которую мы, определенная калужская группа, противопоставляли в то время той сухой и, на наш взгляд, отжившей редакции, которую выдвигал Плеханов.

Я действительно прочитал в Вологде несколько рефератов с выдающимся успехом, приобрел быстро значительные симпатии среди тогдашней учащейся молодежи и чрезвычайно многочисленной в то время колонии ссыльных с их семьями.

В Вологду до нас доходили только смутные слухи о разногласиях в самой социал-демократии, к тому времени еще весьма неопределенных. В общем же мы, социал-демократы, составляли количественно и качественно самую сильную группу в Вологде.

Конечно, сложа руки я сидеть не хотел. Вариться в собственном колониальном соку мне также не улыбалось. Я решил приступить к несколько расширенной работе. Я не говорю здесь о моих первых литературных опытах беллетристического характера³³, так как они не относятся к задачам этой книги. Литературная же моя деятельность, публицистическая, началась действительно в Вологде. Я опубликовал против бердяево-булгаковского направления ряд статей: «Русский Фауст» в «Вопросах философии и психологии», «Белые маги»³⁴ в «Образовании» и несколько более мелких полемических статей против идеалистов. Мы задумали также, и к концу моего пребывания в Вологде осуществили, сборник «Очерки реалистического мировоззрения», который представлял собой систематический ответ на сборник противоположной группы «Проблемы идеализма»³⁵. В нашем

сборнике большое место занимала моя статья «Опыт позитивной эстетики», которая в настоящее время не утратила своего значения.

Но если я говорю о расширенной работе, то имею при этом в виду не литературный мой план, а стремление связаться непосредственно с рабочим населением.

«Северный край» — лево-либеральная газета, издававшаяся в Ярославле, пригласила меня корреспондировать из Вологды. Пользуясь этим, я посетил рабочие спектакли на большом винном заводе под Вологдой и написал статью, которая должна была служить, так сказать, первым камнем к известному сближению между мною и рабочими.

Однако бдительность полиции оказалась большей, чем я предполагал. По доносу начальника казенной палаты Миквица, либерала и даже, кажется, кадета, губернатор Ладыженский, тоже полукadet, который впоследствии даже пострадал, кажется, за свои левые убеждения в военное время, распорядился о высылке меня в Тотьму как элемент, опасный даже в Вологде. Тут началась довольно курьезная борьба между мною и губернатором: я добровольно выехать отказался — меня повезли этапом. Какие-то формальности при этом не были выполнены, и меня оставили в Кадникове. Из Кадникова я самовольно вернулся в Вологду. Тогда меня посадили в Вологодскую губернскую тюрьму. Но губернатор чувствовал смешную и нелепую сторону своих преследований против меня, в то время уже приобретшего некоторую литературную известность и, во всяком случае, почетное имя во всех сколько-нибудь интеллигентных кругах Вологды*.

Наконец вопреки моим протестам состоялось окончательное постановление о посылке меня этапным порядком в г. Тотьму. К этому времени совершенно расползлись дороги, была весна, и этапом ехать было почти невозможно. Я тащился до Тотьмы больше недели, в дороге заразился чесоткой и, приехав в этот город, слег³⁶. На основе чесотки у меня сделалась рожа, и я чуть было не умер от всей этой истории. Но моя жена приехала в Тотьму, выходила меня, и, когда я выздоровел и осмотрелся, я почти был доволен моей новой ссылкой.

Тотьма — это чудесный маленький городишко на берегу очень широкой и величественной здесь Сухоны, против огромного

* В книге «Великий переворот» здесь следовали слова: «он разрешил мне только почевать в тюрьме, а весь день проводить у себя дома, то есть у родителей моей жены, ибо я незадолго перед тем женился на сестре А. Малиновского-Богданова — Анне Александровне».

леса, занимающего другой берег. Около Тотьмы есть гостеприимный живописный монастырь, куда мы часто ездили на тройке.

Дешевизна жизни в Тотьме была необычайная, так что при сравнительно скудном моем литературном заработке и маленькой помощи от семьи мы с женой могли жить, можно сказать, припеваючи. Правда, ссыльных здесь не было вовсе.

Ввиду наличия в Тотьме учительской семинарии, которая когда-то бунтовала, Тотьма была объявлена под запретом для ссыльных, и я отправлен был туда в виде исключения.

Местное общество относилось ко мне хорошо. Разные чиновники и их жены, устраивавшие спектакли, затевавшие что-то вроде кружка самообразования, сейчас же собрались вокруг меня, причем я со своей стороны отнюдь не отказывал им в самом близком и деятельном общении.

Среди этой публики были и некоторые молодые учителя и учительницы или слушатели учительской семинарии, из которых мог выйти толк. Среди крестьян я никакой пропаганды не вел, так как не умел подойти к ним. Но вскоре в Тотьму приехал новый исправник, бывший вологодский полицеймейстер, которому, по-видимому, было особенно поручено пресечь всякую возможность для меня начать какую бы то ни было общественную деятельность в Тотьме. Он запугал все маленькое тотемское полукультурное общество и изолировал бы нас совершенно, если бы в Тотьме не было чрезвычайно дружной с нами семьи товарищей по партии — Васильевых. Вдова Васильева — Е. А. Морозова — и сейчас остается близким другом моим и всей моей семьи. Их и наша семья коротали два года тотемской ссылки вместе.

Эти годы не прошли бесследно для моего развития. Во-первых, я развернул в Тотьме большую литературную работу. Здесь я написал большой этюд о Ленау, перевел его «Фауста»³⁷ и опубликовал в «Образовании» и «Правде» большой ряд критических и полемических этюдов, которые по возвращении из Тотьмы я издал отдельным большим томом³⁸ и которые доставили мне довольно широкую известность среди читающей публики.

С предложенным писать ко мне обращалось большинство издателей левых журналов. Тут же написан был мною популярный очерк философии Авенариуса с приложением критического очерка о панидеале Гольцапфеля, изданный Дороватовским³⁹.

Но как ни много писал я в Тотьме, еще больше я читал и думал. Несмотря на достаточную интенсивную работу в Цюрихском университете, парижских музеях и высших школах,

я должен сказать, что наибольшего успеха в области выработки миросозерцания я добился именно во время 8-месячного заключения в Таганке и 2-х лет моей жизни в Тотьме.

Бежать из подобной ссылки мне не приходило даже в голову. Я дорожил возможностью сосредоточиться и развернуть свои внутренние силы. Конечно, ссылка была бы в значительной мере невыносима, если бы не превосходная семейная жизнь, которая сложилась у меня, и не постоянная общая работа с женой, явившейся для меня близким, все во мне понимающим другом и верным политическим товарищем на всю жизнь.

По окончании ссылки в 1901 году⁴⁰ мы с женой поехали в Киев, где жила моя мать. Однако нам пришлось там жить недолго. Киевская газета полусоциал-демократического типа («Киевские отклики»), редактировавшаяся главным образом В. В. Водовозовым⁴¹, пригласила меня в качестве заведующего театральным отделом, и я вступил было в свои обязанности⁴², в то же время предполагая начать целые курсы лекций и рефератов для учащейся молодежи и возобновить работу в киевских рабочих кругах. Но партийные верхи уже обратили на меня внимание и считали невозможным оставить меня, таким образом, на кустарной работе.

То было тяжелое время полного раскола между большевиками и меньшевиками. Я более или менее определенно стоял на большевистской позиции, хотя не все стороны распри были для меня ясны. Решающим моментом для меня было скорее не подробное знакомство с разногласиями, а тот факт, что А. А. Малиновский-Богданов всецело вошел в большевистское движение и сделался для России как бы главным представителем Ленина и его группы.

Распря осложнилась еще тем моментом, что русский центр в лице и ныне работающих в нашей партии и занимающих определенные посты в Советской власти товарищей Красина, Карпова⁴³, Кржижановского, стали на так называемую примирительную позицию. По существу, вышла 3-я линия, почти одинаковой враждебностью пользовавшаяся со стороны «чистых» большевиков и меньшевиков⁴⁴. Центральный Комитет (согласительский) имел в то время свою главную квартиру в Смоленске, куда я был вызван. Особенно сильное впечатление среди тогдашних работников этого Центрального Комитета произвел на меня тов. Иннокентий⁴⁵, позднее сыгравший такую большую роль в истории нашей партии и безвременно погибший, оставив по себе среди многих большевиков восторженную память как о настоящем государственного типа уме. Уже тогда этот выдаю-

щийся человек отличался замечательным классовым чутьем и широтой воззрений.

В Смоленске я составил большую прокламацию по поводу убийства Плеве⁴⁶, которая была издана как первый большой листок от нового Центрального Комитета. Там же я взял на себя обязанность быть, так сказать, главным пером этого соглашательского ЦК. Однако, несмотря на убеждения Красина, Кржижановского и Иннокентия, у меня не было полной уверенности в правильности нашей линии.

Едва я вернулся в Киев, как получил категорическое письмо от Богданова, в котором он звал меня немедленно ехать за границу для личного знакомства с Лениным и вступления в редакцию центрального органа большевиков. Посоветовавшись с женой, мы решили, что нашей обязанностью является повиноваться этому призыву.

Мы выехали за границу в конце 1904 г.⁴⁷ Приехали в Париж, и там я остался довольно надолго. Ехать в Швейцарию мне не хотелось, так как полной уверенности в необходимости партийного раскола у меня не было...

Я видел, как радуются расколу нашей партии социалисты-революционеры, анархисты, а отсюда мне легко было заключить, какую радость доставляем мы этим расколом и более далеким нашим врагам.

В моих ушах, так сказать, звучали еще уверенные речи Иннокентия о полной возможности спаять вновь социал-демократическую партию. Я выписал себе всю меньшевистскую и большевистскую литературу и старался вчитаться в них. В этих колебаниях прошло несколько месяцев. Наконец в Париж приехал за мной Владимир Ильич лично и заставил меня совершенно покончить с моими сомнениями. Правда, в то время позиции не были вполне отчетливы. Меньшевики только несколько позднее, к январским событиям и революции 1905 года, стали выявлять свою линию союза с либералами⁴⁸ и поддержки грядущей революции как типично буржуазной, от которой можно ждать лишь более или менее радикального изменения политического строя России. Тем не менее уже в то время было ясно, что так называемая «широкая партия» означала собой главным образом интеллигентскую партию.

Ленину уже без труда удавалось доказать, что за нами, большевиками, идет только наиболее решительная, наиболее последовательно мыслящая интеллигенция, в большинстве случаев ставшая профессионалами революции, а затем густые слои рабочей массы, за меньшевиками же огромное количество демо-

кратической интеллигенции и кое-где наличные на них верхушки профессиональных союзов, те типы «развитого» рабочего, которые всегда являются главными проводниками оппортунизма в массы.

Все мое мирозерцание, как и весь мой характер, не предполагали меня ни на одну минуту к половичатым позициям, к компромиссу и затемнению ярких максималистских устоев подлинного революционного марксизма. Конечно, между мною, с одной стороны, и Лениным — с другой, было большое несходство. Он подходил ко всем этим вопросам как практик и как человек, обладающий огромной ясностью тактического ума и поистине гениального политика, я же подходил, как... артистическая натура, как назвал меня как-то Ильич.

Моя философия революции иной раз вызывала у Ленина известную досаду, и наши работы — я говорю о группе: Богданов, Базаров, Суворов⁴⁹, я и некоторые другие — действительно ему не нравились. Однако он чувствовал, что группа наша, ушедшая от близкой ему плехановской ортодоксии в философии, в то же время обеими ногами стоит на настоящей непримиримой и отчетливой пролетарской позиции в политике. Союз, уже состоявшийся между ним и Богдановым, скреплен был также и со мной. Я немедленно выехал в Женеву⁵⁰ и вошел в редакцию газеты «Вперед», а позднее — «Пролетарий»⁵¹.

Не могу сказать, чтобы женевский период, тянувшийся почти два года, оставил во мне особенно приятные воспоминания.

Редакция, правда, была у нас дружная, она состояла в то время из 4-х человек: Ленина, Воровского, Галерки (Ольминского) и меня. Я выступал и писал под фамилией Воинов. Как публицист, я не был особенно плодовит — рядом с Лениным не приходилось писать слишком много: он с поразительной быстротой и уверенностью отвечал на все события дня. Много писал также Галерка. Зато как пропагандист идей большевизма, как устный полемист против меньшевиков я занял первое место и в Женеве, и в других городах Швейцарии, и в колониях русских эмигрантов во Франции, Бельгии и Германии. Разъезжал я неутомимо, повсюду посещая наши, порою столь крошечные, но всегда энергичные, большевистские организации, повсюду грудью встречая натиск несравненно более компактной меньшевистской и бундовской публики и повсюду читая рефераты.

Я не отказывал себе в удовольствии рядом с рефератами чисто политическими устраивать также рефераты на философские, литературные и художественные темы. К ним душа моя лежала больше, да они, по правде, и имели несравненно больший успех.

Политическая же работа в то время была до крайности неприятной... Жизнь эта меня утомила, но я считал своим долгом исполнять мою миссию странствующего проповедника и полемиста со всяческим рвением.

Чтобы закрепить разрыв партии, который казался нам абсолютно необходимым, и привлечь к себе окончательно соглашателей, у которых новых линий абсолютно не вытанцовывалось, мы решили созвать в Лондоне, так называемый, 3-й съезд партии⁵². Главным организатором съезда в России явился Богданов. Он, став во главе «Организационного бюро комитетов большинства», объездил всю Россию и обеспечил за съездом значительный приток крупных работников с мест...

3-й съезд вообще выявил главные фигуры нашей партии. Правда, и на 2-м съезде выдвинулось несколько лиц, которые играли некоторую роль в начале истории большевизма, а теперь вернулись в ряды <активных> большевиков вновь. Я говорю о таких людях, как В. Д. Бонч-Бруевич, как Гусев⁵³ и некоторые другие. На 3-м же съезде окончательно выяснилась возможность длительного союза между Лениным и Богдановым, с одной стороны, и тов. «Никитичем», т. е. Красиным, — с другой. С тех пор Красин занял в большевистском мире пост одного из крупнейших практических вождей. Эта роль осталась за ним до конца 1906 г...

Выдвинулся и был избран в ЦК тов. Строев, т. е. Десницкий, долгое время бывший одной из основных фигур большевизма, потом отошедший, а сейчас числящийся в своеобразно сочувствующих Советской власти и работающий как выдающийся педагог и организатор рука об руку с нею.

Не стану перечислять других, как старика Муху⁵⁴, Раскольникову (из Самары), Вадима, сейчас, кажется, продолжающего стоять в стороне от движения, но некоторое время бывшего одним из виднейших деятелей партии⁵⁵, и т. п.

Съезд был немногочислен, но отборен по своему составу. На нем в конце концов создалось движение большевизма. Были выработаны определенные тезисы: держать курс на революцию, готовить ее технику, не забывать за «экономическим и закономерным» волевого организующего начала. За цель же положить себе диктатуру пролетариата, опирающегося на крестьянские массы⁵⁶.

Все это сделало большевистскую партию готовой к первым бурям и грозам революции 1905 г.

Январские дни застали меня все еще в Женеве⁵⁷. Нечего и говорить, какое огромное волнение переживала в то время партия,

какой нервной характер приобрели наши митинги. Мы стали на точку зрения военной организации революции как таковой, в то время как меньшевики рассчитывали на парламентские формы, банкеты, демонстрации, стачки и т. п., мы говорили о диктатуре пролетариата, опирающегося на крестьянские массы, а они о диктатуре буржуазии, подпираемой пролетариатом.

К сожалению, вскоре после январских событий я почувствовал себя дурно и вынужден был просить небольшого отпуска, причем для отдыха уехал вместе с женой в Италию⁵⁸. Мы поселились во Флоренции, откуда я продолжал сотрудничать в «Пролетарии», но где главным образом занимался историей искусства, итальянской литературой, следя в то же время лихорадочно за событиями, происходившими в России.

В конце октября 1905 года я получил от ЦК предписание немедленно поехать в Петербург. Предписание это было мною исполнено сейчас же, и в Петербург я прибыл в первых числах ноября. В городе в то время шумела революция. Правительство как-то спряталось. В прессе доминировали левые газеты, и мальчишки звонкими голосами выкрикивали странные для России революционные названия новых листов.

Повсюду шли митинги. Петербургский Совет рабочих депутатов был несомненным вторым правительством, и оптимисты думали, что он располагает, пожалуй, большими силами, чем настоящее правительство⁵⁹.

Мне незачем здесь рассказывать о тех событиях революции 1905—1906 годов, которые в настоящее время известны всем и даже достаточно изучены. Я отмечу здесь лишь коротко, как надлежит в предисловии, некоторые отдельные факты, касавшиеся близких мне политических кругов и лично наблюдаемые мною.

Главными заботами центрального штаба нашей партии в начале революции, т. е. до поражения московского восстания, была постановка прессы и организации и вопросы о сближении с меньшевиками⁶⁰.

В первом отношении партия вступила сначала на несколько неправильный путь. Лично я вошел в редакцию газеты «Новая жизнь», которую Горький и Румянцев⁶¹ задумали еще до переворота 17 октября по типу в сущности левой газеты несколько беспартийного характера с марксистским оттенком. Мы унаследовали от этого плана хороший технический аппарат, который, быть может, с несколько излишней американской ширью вел П. П. Румянцев, но загроможденный значительным количеством

чисто буржуазных журналистов. Достаточно сказать, что во главе редакции числились три лица: Ленин, Горький и... Минский⁶². За Минским тянулась целая вереница более или менее беспартийных людей, в то время, быть может, и искренне тяготивших к победной революции⁶³. Но что в сущности могло объединять нас с ними? Гораздо легче работать с какими-нибудь анархистскими или эсеровскими элементами, которые родственны им по своему мирозерцанию. Еще не пришло то время, хотя оно придет, когда марксизм развернется со всей пышностью заложенных в нем возможностей и сделается центром внимания и душою не только рабочего класса, но и трудовой интеллигенции. Этого мы не достигли еще и до сих пор. Но тут несколько не вина нашей партии: действительно, пока некогда разрабатывать вопросы философии и культуры в самом широком смысле этого слова. Мы находимся еще в области первых завоеваний власти и первых упрямлений экономических основ быта. Строится суровый фундамент из едва облицованных камней, и о тонкостях архитектуры грядущих верхних этажей мечтают некоторые, но не говорит и не рассуждает никто. Они влюблены в их красоту, верят, но, заваленные текущей работой, отдаются жгучему моменту. Так это было, конечно, и в 1905 году. Так как я лично всегда отличался от других моих товарищей (за малым исключением) особенно острым интересом именно к этим грядущим верхним этажам, то со стороны Минского была сделана даже попытка чего-то вроде переворота в редакции «Новой жизни», а именно создания союза между наиболее левыми интеллигентами и наиболее «культурными» большевиками, к которым он сделал честь отнести меня. Конечно, на это предложение я ответил только пожатием плеч.

Когда «Новая жизнь» скончалась⁶⁴, партия вступила на более планомерный путь с изданием газеты «Волна»⁶⁵, а по закрытии ее — некоторых других⁶⁶. Это были газеты чисто партийные, велись они хотя односторонне, но тем не менее энергично и ярко и имели большой успех в массах.

Но ко времени их деятельности преобладание правительства реакционного над силами Совета сказалось уже с полной ясностью. Дело приближалось к аресту сперва первого состава президиума, а потом и второго...

В организационном отношении дело шло не особенно хорошо. И мы, и меньшевики одинаково сознавали, что Петербургский Совет рабочих депутатов покоится больше на известном подъеме рабочих, чем на подлинном политическом сознании, а в особенности на подлинной прочной низовой организации.

Дан⁶⁷ проповедовал в то время энергично устройство системы клубов, к чему кое-где и приступили. Чисто партийные организации, организации профессиональные, несомненно, отличались еще известной рыхлостью. Людей, как всегда, не хватало. Работа в армии шла, но главным образом в некоторых частях, расквартированных в Финляндии, что в свое время сказалось Свеаборгскими событиями⁶⁸ и т. п.

Однако и с этой стороны мы были еще далеки от того положения, которое создалось более серьезной империалистической войной к нашим дням. С крестьянскими восстаниями, вспыхивавшими в разных местах, мы были совершенно не связаны, за исключением Латвии, где движение «лесных братств» и вообще крестьянское массовое движение шло более или менее непосредственно под руководством партии⁶⁹.

Чем дальше, тем больше выяснялось, что революция, как массовое явление, идет на убыль; повторные попытки генеральных стачек причиняли нам вред, показав как раз такую убыль в настроении населения. Поражение московского восстания нанесло почти смертельный удар. К этому времени относится и перелом в наших отношениях к меньшевикам. Начиная с возвращения эмиграции в Россию, появляется тенденция к сближению между обеими частями партии. Оказалось, что революция ставит перед нами столь общие задачи, что как ни велики были теоретические разногласия, силы сближавшие перевешивали. Можно было наблюдать, как прежде столь близкие друзья, а потом столь свирепые враги — Ленин и Мартов — мирно беседовали друг с другом и искали точек соприкосновения.

Растущее давление реакции способствовало такой спайке и породило те бесконечно длинные заседания, которые велись у нас сообща с меньшевиками для выработки редакции единой газеты. Мне приходилось председательствовать на этих собраниях и всячески стараться добиваться благоприятных результатов. Формально мы добились их, общая редакция была создана, роли распределены, была даже пара общих редакционных заседаний, и, не помню точно, кажется, выпущен был один номер соединенной газеты, но газета была сейчас же воспрещена, а возобновить ее не удалось уже потому, что между нами и ими опять все пошло врозь.

Самым героическим усилием к объединению партии был, конечно, Стокгольмский съезд⁷⁰: и мы, и меньшевики напрягли все силы, чтобы иметь на этом съезде большинство.

Я поехал в Стокгольм со второй партией делегатов, и на пути с нами произошло, между прочим, курьезное несчастье. Капитан

парохода опасался везти нас открытым морем из-за качки, которая могла бы повредить целому гурту цирковых дрессированных лошадей, бывших нашими сотоварищами по путешествию. Пароход наскочил на камень. В первую минуту ночью, когда раздались оглушительный взрыв, пароход накренился набок и раздался крики о том, что вода проникает в каюты первого класса, — я думал, что какое-нибудь русское судно, узнав о том, кто едет на этом пароходе, послало против нас мину илихватило нас каким-нибудь крупным снарядом.

Довольно любопытно было наблюдать сцены, происходившие в течение всей этой ночи, пока пароход, к несчастью, крепко засевший на произвешем его бок остром камне, очень медленно погружался в море. Мы все ходили со спасательными поясами под мышками в предраассветных сумерках и ждали момента, когда нам прикажут садиться в шлюпки. Близлежащий берег, или, вернее, скала, казался нам не только неприютным, но и совершенно недоступным с моря, и один старый финн, не то пугая нас, не то действительно испуганный, говорил, что шлюпки непременно разобьются об этот берег. К утру нашу маленькую пушку, которая тревожно капляла на корме, услышали из Гельсингфорса, и на выручку к нам приехал маленький полицейский пароход. Когда он забрал нас и отвез в Гельсингфорс, ему и в голову не приходило, что он имеет в своих руках ровно половину состава социал-демократического съезда, захватив которую, он мог бы нанести надолго непоправимый удар всему делу русской революции. Но полиции все это было невдомек, и она нас свободно отпустила с пароходом, ушедшим на следующий день.

По приезде в Стокгольм я нашел ситуацию уже выяснившейся. Было ясным, что меньшевики на съезде будут в большинстве.

В то время немалую роль в жизни партии стал играть Алексинский⁷¹. Мы раньше его не знали. Я и теперь плохо знаю его студенческое прошлое. Он был нам рекомендован как бойкий журналист, весьма симпатизирующий большевизму. Очень скоро он вступил в партию и действительно показал себя чудесным газетным работником: с невероятной быстротой писал он статьи на любые темы и скоро сделался главной опорой газеты, не как политический руководитель, а как всегда готовое перо.

В Стокгольме, когда Ленин придумывал все стратегические ходы для того, чтобы обеспечить за большевиками максимум влияния в грядущей партии, Алексинский выступил против него с горячими филиппиками и внезапно для всех нас из крайнего

меньшевикою превратился в какого-то размякшего защитника идей неразборчивого единства.

Надо сказать, однако, что когда линия нашего поведения была определена, то тот же Алексинский вновь превратился в самого озлобленного полемиста и при выступлениях Плеханова буквально порывался броситься на него чуть не с кулаками, так что для предотвращения с его стороны скандальных выходов мы посадили рядом с ним двух уравновешенных товарищей. Плеханов в шутку говорил мне после заседания: «Что вы этого Алексинского сырым мясом кормите, что ли, для злобы?»

Какие бы тактические приемы Ленин ни выдумывал, все равно факт оставался фактом: меньшевики имели весьма определенный перевес на съезде, и ЦК должен был оказаться в их руках.

Вопрос ставился так: идем ли мы в объединенную партию, которую меньшевики будут руководить, или не идем? С обычной прозорливостью и прямоотой Ленин утверждал, что из объединения не выйдет ровно ничего. Однако возобладало мнение попытаться создать общую партию для того, чтобы оказать возможно более дружный отпор грозно надвигающейся реакции.

Последние переговоры о составе ЦК поручены были со стороны большевиков мне, и я старался проявить здесь максимум уступчивости. Должен сказать, что товарищи довольно неприятно подвели меня: я подписал договор с меньшевиками о том, что новый состав ЦК, в который входило несколько более трети большевиков по нашему собственному выбору, будет принят съездом единогласно. Между тем фракция, не предупредив даже меня, и, по-видимому, без предварительного совещания, решила иначе, и вышло так, что за большевиков, которые шли по списку первыми, вотировал весь съезд, а за меньшевиков только меньшевистское большинство, большевики же воздержались.

Разъехались мы со съезда довольно сумрачными. Для всех было ясно, что мир кажущийся. Передавали фразу, сказанную столь плохим пророком Даном, в то время являвшимся настоящим диктатором меньшевиков: «С большевиками теперь покончено, они побарахтаются еще несколько месяцев и совсем расплывутся в партию».

Каким действительно оптимистом своей линии нужно было быть, чтобы до такой степени не понимать тот заряд энергии, который был заложен в левую социал-демократию!

Мне незачем следить за дальнейшим ходом развития наших отношений с меньшевиками. Поражение открыло перед нами две линии: можно было идти, с одной стороны, по пути парламента-

ризма, в том убогом виде, какой отмеривался Столыпиным, по пути приспособления к мнимо конституционным порядкам «буржуазной» монархии, как окрестил новый режим Мартов, или продолжать борьбу партизанскими способами⁷².

Меньшевики, конечно, выбрали первый путь, большевики, конечно, второй...

Забегая вперед, скажу, что вскоре и среди самих большевиков начались разногласия по той же линии. На этот раз Ленин... был за участие в выборах в Думу и считал, что мы, готовясь к дальнейшему революционному подъему, в то же время должны вести политическую работу в Государственной думе⁷³ и во всех общественных учреждениях (профессиональных союзах, кооперативах и т. п.), в которых рабочая жизнь могла еще биться легально. Это соединение легальности и нелегальности казалось Богданову и другим ультралевым большевикам эклектизмом и после того, как с помощью меньшевиков, в момент, когда разрыв не был окончательным, Ленин провел выборы во вторую Думу, Вольский и другие москвичи потребовали немедленного отзыва наших депутатов. Богданов не стал на такую решительную точку зрения: он требовал, чтобы нашей фракции в Государственной думе поставлен был ультиматум о полном подчинении революционной партийной тактике, а в противовес — угроза отказать ей в политической поддержке.

Это объяснялось тем, что Богданов и его группа (в том числе Красин, Мартов, Лядов, Алексинский, Покровский) считали тогдашнюю линию думской фракции безвольной и вялой. Надо помнить, что мы официально несли тогда ответственность не только за выступление ничтожного количества большевиков (главным образом Алексинского), но и меньшевистского большинства, с которым мы составляли неразрывную парламентскую фракцию. Ленин осуждал и этот так называемый ультиматизм.

Как всегда бывает, в эпоху реакции вновь появились и философские разногласия. Нам припомнили наши философские искания и отступления от плехановской ортодоксии. Плеханов, в то время далеко ушедший направо, дальше всех меньшевиков, в отношении философских толкований Маркса считался все еще непререкаемым святым отцом.

И в этом случае я находил много «за» и «против» в обоих направлениях. Я никогда не отличался фанатическим стремлением видеть только белое или только черное, и аргументы противника я всегда взвешивал со всей внимательностью... Мне казалось главным образом необходимым поддержать высокое на-

строение пролетариата, не дать угаснуть атмосфере мировой революции, которая, как мне казалось, мельчится этой мнимой практикой, — вот почему я вскоре присоединился к группе «Вперед»⁷⁴, организатором которой был Богданов.

Но здесь я несколько забегаю вперед и мне нужно вернуться к эпохе выборов во вторую Государственную думу.

Кандидатов от Петербурга у партии не было никаких, ввиду всевозможных затруднений, которые ставил самый избирательный закон. Перед тем как выставить кандидатуру Алексинского, который с этой целью переведен был корректором и, таким образом, был рабочим типографии, толковалось также о моей кандидатуре, ибо я, по-видимому, ни с какой стороны не должен был встретить предусмотренных законом препятствий.

Думаю, что именно поэтому судебные власти поторопились представить мне обвинительный акт.

Сделать это было вообще чрезвычайно легко, ибо деятельность свою я вел совершенно открыто и в отличие от других товарищей даже не под псевдонимом.

Партийная работа в то время была довольно широка. Между прочим, на Новый год (1906), как раз в канун его, я был арестован на рабочем собрании и просидел 1½ месяца в «Крестах»⁷⁵. За это время я написал свою драму «Королевский брадобрей»⁷⁶. Дело могло повернуться очень плохо, так как преступлений на мне было сколько угодно.

Но относительно собрания, на котором я был арестован, я сделал заявление, что присутствовал на нем с информационными целями как член редакции журнала «Образование», каким действительно состоял в то время.

Через 1½ месяца меня выпустили. Я как ни в чем не бывало продолжал свою деятельность. Главным образом, она выражалась в лекциях. Чем дальше, тем больше эти лекции приобретали характер философский. Я решился даже открыть целый курс по истории религии. Читал я свои лекции в высших учебных заведениях, главным образом в политехникуме. После моих рефератов часто шли жгучие дискуссии. Более или менее постоянными участниками их являлись: Столпнер⁷⁷ и священник Агеев, раза два выступал Григорий Петров⁷⁸, тогда еще священник.

За слушание лекций взималась плата в пользу Петроградского комитета нашей партии. Для комитета лекции дали около 10 тысяч рублей. Однако не эти мои, весьма преступные, с точки зрения развивавшихся в них идей, и весьма громкие лекции и не моя агитационная работа, на которой я сорвался было 31 де-

кабря 1905 года, а моя литературная работа, и притом в совершенно случайной ее части, послужила основанием моего «дела». Оно было возбуждено специально, чтобы парализовать во мне весьма вероятного кандидата во вторую Думу.

Алексинский был известен гораздо меньше, чем я. С известным правом можно было сказать, что, выбивая меня из строя, окончательно лишали большевиков права иметь в Думе какого-либо настоящего лидера.

Обвинительный акт был построен на моем предисловии к брошюре Каутского, в котором я говорил о русском правительстве как об организации приказчиков западноевропейского капитала, обязанной выколачивать из страны колоссальный доход для западной биржи⁷⁹.

Обвинительный акт был составлен таким образом, и прецеденты были так ясны, что приглашенный мною для совещания адвокат Чекеруль-Куш посоветовал мне немедленно эмигрировать. Стояло вне всякого сомнения, что я буду осужден на длительное тюремное заключение.

Между тем я не был арестован. Я совещался с наиболее близкими мне партийными товарищами, и мы постановили, что мне действительно необходимо уехать. Это было зимою 1906 года.

К этому времени обстоятельства повернулись так худо, что уже почти никто из партийных товарищей-главарей не жил легально. Они ютились в Финляндии. Пресса наша была задушена.

Выехал я без семьи через Финляндию⁸⁰. На Финляндском вокзале не было никаких препятствий, похоже было даже на то, что меня пропускали нарочно, ибо дело шло не столько о моем заключении, сколько о том, чтобы отстранить меня от думской политической работы.

В Гельсингфорсе я прожил несколько дней у тов. Смирнова и затем, абсолютно без всякого паспорта, выехал из Ганге на Копенгаген. Первое время моего пребывания за границей (в Италии) я не принимал почти никакого участия в политической работе. Я сидел над моей книгой «Религия и социализм», которой придавал очень большое значение...

Вскоре, однако, политические бури вновь коснулись меня. Это уже не были те вьющиеся над всем русским миром революционные бури. Это были более или менее резкие порывы ветра в наших эмигрантских заливах и бухтах.

Креп наш раскол, о котором я уже говорил, по поводу участия в Думе. Отношения между Богдановым и Лениным на этой почве стали совершенно нестерпимыми. Наконец в ЦК произошел разрыв.

Разрыв среди большевиков шел по линии, которую я выше наметил, но в то же время такой же разрыв начался среди меньшевиков. Появилось так называемое ликвидаторство с его проповедью абсолютной легализации всей деятельности и отвратительно отрицательным отношением к «подполью».

Среди меньшевиков наиболее страстно выступал против ликвидаторства Плеханов. Этот протест Плеханова против крайних правых меньшевиков сделал возможным сближение его с Лениным, борющимся в то время против нас...⁸¹

На пленуме ЦК меньшевики-мартовцы и большевики-ленинцы выбросили из партии ликвидаторов и, признав нашу группу партийной, в то же время исключили ее представителей из ЦК⁸².

Время, по правде сказать, довольно неприятной борьбы между ленинцами и богдановцами было скрашено первой партийной школой, которую мы организовали на Капри⁸³. Как-нибудь надо будет более подробно описать события, связанные с моей дружбой с А. М. Горьким, а вместе с тем со всею этой очень оригинальной, по-своему красочной школой. Здесь же в этом кратком очерке придется сказать об этом только несколько беглых фраз.

Своим возникновением каприйская школа вдвойне обязана замечательному человеку — М. Вилонову. Он был родоначальником ее идеи, и он же был главным организатором. Надо прибавить, однако, к этому, что им же нанесен был каприйской школе сильный удар, отчасти дезорганизовавший ее. Тов. Вилонов, уральский рабочий, приехал на Капри по настоянию и на средства организации, к которой принадлежал, чтобы снастись от грызшей его чахотки. Натура необыкновенно могучая и психически и физически, тов. Вилонов нажил чахотку в результате жестокого избивания, которому был подвергнут после побега из Уфимской тюрьмы.

Вскоре после своего приезда он приобрел большое уважение и дружбу со стороны живших в то время на Капри Горького и Богданова, равно как и с моей стороны.

Неугомонный организатор, Вилонов, едва оправившись от своей болезни под влиянием каприйского климата, который оказался ему благоприятным, начал поговаривать о возможности привезти тем же путем, как ехал он, несколько десятков избранных рабочих на Капри и здесь, в очаровательном и тихом уголке Европы, устроить партийный университет, из которого месяца через 4 можно было бы вернуть в Россию более или менее просвещенных политически товарищей.

Идея сначала показалась фантастической, возражения приходят в голову очень легко против подобного плана. Но, с одной

стороны, идея Вилонова, с другой стороны — наша жажда увидеть подлинных русских пролетариев и поработать с ними превозмогли препятствия.

На партийные средства, при значительной поддержке М. Горького решено было основать эту школу.

М. Вилонов, рискуя арестом и смертью ввиду все еще крайне тяжелого состояния своего здоровья, лично отправился в Россию за рабочими.

Через некоторое время, летом 1910 г.⁸⁴ Вилонов вернулся с 20 рабочими, выбранными различными организациями в разных концах России. Среди них оказались люди разного уровня, иные были простыми рабочими середняками, другие, наоборот, отличались блестящими способностями. Быть может, эта разница уровней была одним из самых трудных обстоятельств нашей школы. Преподавателями ее являлись: М. Горький, Ал. Богданов, Алексинский, я, Лядов, Десницкий-Строев.

Я преподавал историю германской социал-демократии, теорию и историю профессионального движения, вел практические занятия по агитации, а к концу прочел еще курс всеобщей истории искусства, который, как это ни странно, имел наибольший успех у рабочих и окончательно скрепил мою тесную с ними дружбу. Я глубоко сошелся с рабочими; отчасти этому способствовало то, что я жил и питался вместе с ними, отчасти влияние моей жены, которая приобрела на всю жизнь несколько горячих друзей из числа каприйских учеников.

Занятия в школе шли хорошо, слушатели были проникнуты энтузиазмом. Практические занятия часто приобретали оригинальный и захватывающий характер.

Тем не менее о каприйской школе приходится вспоминать также и не без горечи. Дело в том, что наши ближайшие соседи, большевики-ленинцы, не без основания рассматривали школу как попытку группы «Вперед» упрочиться и получить могучую агентуру в России... В школе был талантливый рабочий, по прозвищу «Старовер», который открыто являлся в нашей среде «агентом» Ленина.

По мере того как дело подходило к концу и мы занялись выработкой нашей политической декларации, выяснилось, что не все 20 человек учеников стоят на «впередовской» точке зрения... Пошатнулся сам Михаил Вилонов.

Нельзя сказать, чтобы он прямо примкнул к большевикам «умеренного толка», но ему казалось, что будущее всего выводка первой партийной школы омрачается перспективой борьбы в своей собственной большевистской среде.

Эта примиренческая позиция Вилонова вызвала целую грозу над ним. Богданов, Алексинский объявили его буквально изменником. Теперь, когда я оглядываюсь назад, я считаю такое отношение к Вилонову крайне несправедливым. Мне даже кажется, что он был политически мудрее нас, защищая даже не столько слияние крайнего левого крыла с центром, сколько известное соглашение с ними для единой политической борьбы.

Но страсти в то время были в большом разгаре.

Вилонов с ленинцами уехали в Париж, а остальные отправились в Россию.

Судьба наших учеников была различна. Наиболее прочным учеником оказался позднейший организатор болонской школы тов. Аркадий — Ф. И. Калинин⁸⁵, бывший член коллегии Наркомпроса, советский партийный работник, пользующийся со всех сторон глубочайшим уважением. Замечательным борцом за социализм оказался также тов. Косарев, бывший потом председателем Томского губисполкома, в настоящее время один из виднейших деятелей Московского комитета партии. Быть может, самый блестящий после Вилонова ученик каприйской школы тов. Яков далеко ушел от нас в меньшевизм⁸⁶. Последняя встреча моя с ним была на демократическом совещании, созданном Керенским и его друзьями, где он в буквальном смысле слова с пеною у рта набросился на меня за мою непримиримую революционную позицию...

Вскоре после окончания каприйской школы должен был собраться международный Копенгагенский съезд⁸⁷. На предшествовавшем Штутгартском съезде тотчас же после моего приезда за границу (1907 г.) я участвовал в качестве представителя большевиков, и участие мое там было весьма активным: я был избран в комиссию этого конгресса по выработке взаимоотношений между партией и профессиональными союзами.

Большевики слили свои тезисы с тезисами де-Брукера⁸⁸, стоявшего в то время на синтетической точке зрения необходимости рассматривать их рядом с партией, как второе, одинаково существенное оружие рабочего класса в борьбе за социализм.

Стоя на этой позиции, я делал доклады в русской секции и в комиссии, причем бороться приходилось мне главным образом с Плехановым, стоявшим одновременно на точке зрения нейтральности профессиональных союзов и на точке зрения пренебрежения к ним как революционному оружию.

В результате этой моей работы появился мой этюд по этому вопросу, напечатанный затем в заграничном журнале «Радуга». В то время кое-кто из товарищей-большевиков упрекал меня

за эту уступку «синдикализму», но будущее показало, что моя линия тогда была правильной. Я не хочу сказать, конечно, что именно я определил дальнейшую политику большевиков по отношению к профессиональным союзам, но в то время проповедовавшая мною точка зрения была еще довольно нова и в нашей собственной среде проходила не без борьбы. Очень сильную поддержку оказал в то время тов. Базаров, а тов. Ленин с обычной ясностью ума сразу воспринял все положительные черты ее.

В связи с этой моей работой на Штутгартском конгрессе казалось естественным, чтобы я представлял партию также и на Копенгагенском съезде; группа «Вперед» дала мне для этого мандат.

Но в этот раз мы уже были расколоты, и я ехал в Копенгаген скорей врагом, чем другом моих недавних ближайших товарищей.

Не доезжая Копенгагена, уже в Дании, мы встретились с Лениным и дружески разговорились. Мы лично не порвали отношений и не обостряли их так, как те из нас, которым приходилось жить в одном городе.

Из краткого обмена мнений выяснилось, что почти по всем вопросам копенгагенской программы мы стоим на близкой точке зрения. Моя задача была — по вопросу об отношении партии и кооперативов провести точку зрения, параллельную штутгартской относительно профессиональных союзов; я лелеял мечту, что на Венском конгрессе⁸⁹ удастся закончить это строение, точно установив равноправное место среди орудий борьбы пролетариата и за культурно-просветительной его организацией.

Об этом я, конечно, с Лениным не говорил, относительно же кооперативов у него было много сомнений... Я отнюдь не думал, что кооператив может быть признан равноценным движению политическому и профессиональному, но я считал, что он должен рассматриваться как орудие социалистической борьбы, что ему должно быть отведено место в революционной активности пролетариата и что в связи с этим за ним надо признать, при глубокой духовной зависимости от центральных идей социализма, широкую автономию по отношению к партии и профессиональным союзам.

И в этот раз оказалось, что моя точка зрения ближе всего подошла к бельгийской, по крайней мере, к той, которую защищали передовые бельгийцы.

Отношения мои к ленинцам оказались настолько превосходными, что, несмотря на опубликованный мною в журнале «Пенья» большой памфлет против большевиков, они не только

не препятствовали признанию моего мандата, но даже выбрали меня официальным представителем сначала в комиссию по кооперативам, а потом и в подкомиссию, где мне пришлось с Жоресом, Вандервельде, фон-Эльм и пр. окончательно выработать резолюции.

И тут, как в Штутгарте, благодаря правильно понятой позиции окончательные результаты съезда почти полностью совпали с теми резолюциями, которые были приняты большевистской фракцией по моему докладу.

В результате кооператоры пригласили меня почетным гостем с решающим голосом на международный съезд кооперативов в Гамбурге, имевший место тотчас по окончании конгресса в Копенгагене.

К сожалению, завязавшиеся таким образом короткие отношения с ленинцами не были прочны, ибо остальные члены нашей группы (особенно тов. Алексинский) о таком сближении не хотели ничего и слышать.

Впрочем, на некоторое время я отошел от политической работы, потому что меня постигло большое семейное несчастье: умер мой ребенок, — и в связи с этим и рядом других обстоятельств, о которых я сейчас не буду ничего говорить, я покинул окончательно Капри и странствовал некоторое время вместе с моей женою по разным местам Италии.

Между тем, несмотря на некоторую неудачу опыта с каприйской школой, решено было этот опыт повторить. Средства для второй школы были даны главным образом уральскими рабочими, которые составили половину учеников этой новой школы.

После некоторых колебаний решено было организовать ее в тихом, но достаточно богатом научными ресурсами городе Болонье. Болонская школа в гораздо большей мере лежала на моих плечах, чем школа каприйская: она была создана к зиме 1911 года⁹⁰. Ученики, собранные на этот раз тов. Аркадием (Ф. Калинин), были по своему качеству несколько ниже каприйских, но и тут было тем не менее несколько выдающихся людей, из коих отмечу товарища Гл. Авилова, ныне члена президиума Всесоюзного Совета Профессиональных Союзов, занимавшего также одно время пост народного комиссара почт и телеграфов.

В числе преподавателей были частью старые (кроме Горького, который не смог приехать в Болонью), частью новые (Ал. Мих. Коллонтай⁹¹).

С огромным интересом были также прослушаны лекции тов. Павловича⁹². Читал и П. П. Маслов⁹³.

Из этого уже видно, что болонская партийная школа стояла на менее исключительно «впередовской» точке зрения.

Повторяю, болонская школа далась мне гораздо труднее каприйской: я считался как бы официальным ее директором, ибо один только говорил на итальянском языке, сносился по всем организационным делам со всеми властями и, можно сказать, размещал, лечил, кормил учеников столько же, сколько учил их.

Между тем я читал им также большой ряд лекций, опять-таки историю германской социал-демократии, затем историю Великой французской революции и историю русской литературы.

Кроме того, я посещал с ними музеи в Болонье, а позднее в Париже, как, впрочем, и с каприйскими учениками мне удалось посетить музеи Неаполя и Рима.

По окончании болонской школы группа «Вперед» постановила вызвать меня из Италии и перевести в Париж для более постоянной политической работы. Мы затеяли в то время усилить нашу литературную и практическую деятельность.

Мое пребывание в Париже от конца 1915 г. по 1915 г. было посвящено довольно многосторонней деятельности. Во-первых, я сделался постоянным корреспондентом трех русских периодических изданий, именно: «Киевской мысли», «Дня» и «Вестника театра»⁹⁴. Я переиздал в настоящее время часть моих статей, накопившихся за этот четырехлетний промежуток⁹⁵. Их очень много, они написаны на самые разнообразные темы, и я уверен, что вместе они покажут, что являлись не простыми статьями газетчика, а большой работой по анализу западноевропейской культуры, в особенности французской.

Одновременно с этим я писал довольно большое количество статей в ежемесячных журналах и различного рода сборниках.

Помимо литературной работы я основал кружок пролетарской культуры, в котором работал целый ряд выдающихся пролетарских писателей: были там и Павел Бессалько⁹⁶, и поэт Герасимов, и Гастев⁹⁷, и Калинин, и многие другие.

Я читал также лекции для рабочих по истории всемирной литературы и огромное количество рефератов как в Париже, так и в русских колониях — Швейцарии, Германии и Бельгии.

Деятельность моя заставляла меня несколько разбрасываться, но все же она давала гораздо больше удовлетворения, чем политическая работа, как таковая.

К этому времени Ленин и его группа окончательно разошлись с меньшевиками. Мы были отделены очень глубокими

политическими разногласиями от меньшевиков, однако мы выступили против партийного раскола...

В общем же политические ситуации как-то перепутались, линия, отграничившая нас, стерлась, и часто позиция наша была как бы несколько искусственной. Это относится, впрочем, ко всем эмигрантским группам.

Внутри группы «Вперед» опять пошел разлад. После короткой, но довольно тяжелой распри между Богдановым и Алексинским первый покинул группу «Вперед», и после этого Алексинский развил до кульминационного пункта свои выдающиеся способности дезорганизатора: ему удалось постепенно поссориться и отколоть от нас тов. Менжинского, Покровского и в конце концов самым пелепым и довольно гнусным образом порвать также и со мной.

Группа вовсе исчезла бы с лица земли, если бы ее женевская часть, очень прочная, включавшая в себя несколько преданных «впередовцев», не спасла ее. Эта женевская группа (тт. Миха, Лебедев-Полянский и др.) усилилась с моим переездом в Швейцарию...

Сближение группы «Вперед» с большевиками и вообще сплочение левого фланга произошло в результате войны.

Объявление войны я пережил еще в Париже, но сейчас же после этого мы с семьей поехали в Бретань, в маленький город Сен-Бревен, против города Сен-Назера⁹⁸. Там мы поселились на даче. Живя во Франции, испытываешь некоторое влияние той страны, судьбы которой на тебе непосредственно отражаются и определенным образом волнуют всех окружающих.

Несмотря на разные ненавидимые поступки германской армии, я очень быстро обрел равновесие и стал на решительную интернационалистскую позицию.

Осенью я вернулся в Париж и нашел там готовую почву. На одном митинге русских эмигрантов, на котором определялись наши отношения, мы выступили вместе с Черновым⁹⁹ как интернационалисты. На этом и подобных собраниях определилось, что и социал-демократы, и эсеры распались пока только на два очень заметных лагеря: лагерь интернационалистов — сторонников объявления во что бы то ни стало всеобщей социальной революции против всех правительств — и националистов, всеми правдами и неправдами прикрывающих свой национализм, но фактически бывших определенными сторонниками англо-франко-русского правительственного союза.

В качестве корреспондента «Киевской мысли» я старался просочить кое-как наш яд и в Россию и вместе с тем восполь-

зоваться моим положением журналиста, чтобы побывать в Сент-Адресе, с одной стороны, т. е. в резиденции бельгийского правительства, а с другой стороны, в Бордо, где жило французское правительство.

Там я вел длинные разговоры с Гедом¹⁰⁰ и Самба¹⁰¹, которые глубже убедили меня в колоссальной ошибочности так называемого революционного патриотизма.

Мы кокетничали некоторое время все-таки с нашими «вождями», и газета «Наш голос»¹⁰², которую начали издавать в то время тов. Мануильский и тов. Антонов, не решалась резко наметить линии.

Это беспокоило меня, и именно я первый напечатал статью против Плеханова, где ясно доказывал, что расстояние между нами и Плехановым гораздо больше, чем между нами и хотя бы меньшевиками-интернационалистами.

Сначала редакция очень смутилась и даже написала какое-то бормотание, извинившись за эту статью, но позднее сама вступила на этот же путь.

В разных партиях раскол сложился разное: у нас он повел к быстрому сближению между впередовцами и большевиками...

Но в то время как в нашем лагере происходило быстрое сближение и лозунг борьбы за интернационал, при этом обновленный и ярко революционный, прикрывал собою наши разногласия, у меньшевиков было не то. Мартов хотя и вошел в редакцию «Нашего слова»¹⁰³, но всячески уклонялся и скользил из рук, когда я ставил вопрос с особой остротой. Я выдвинул лозунг, который поддержала вся редакция «Нашего слова»: рвать с оборонцами и смыкаться по линии интернационализма независимо от других оттенков. Но Мартов рвать со своими оборонцами не хотел, старое знамя меньшевизма оказалось для него слишком дорогим.

Это политически и погубило его.

При всех своих блестящих способностях Мартов смог только от времени до времени подниматься и сверкать своим тонким политическим умом, но потом вновь шел ко дну, потому что его всегда тянуло в бездну это несчастное пристрастие к меньшевистскому знамени как таковому.

Этот вопрос был для нас одним из мучительных и рядом с героическими атаками на всякого рода патриотизм, атаками, которые были бесконечно трудны в обстановке французского испуга и угара, мы тратили много времени на то, чтобы убедить меньшевиков-интернационалистов отколоться от своей партии и примкнуть к нам.

Менее интересовали нас судьбы эсеров. С эсерами-интернационалистами (черновцами) мы не прочь были заключить теснейший союз. Но союз этот тем не менее не состоялся, мы, так сказать, не успели его наладить — он нам не казался политически настолько важным.

В среде же самих эсеров раскол был явный, и повел он не по позднейшей линии правых и левых эсеров, а по линии патриотов и интернационалистов, как у нас. Причем во главе левой фракции стоял Чернов.

Я не был ни на циммервальдском, ни на кинтальском совещании¹⁰⁴, но и «Наше слово» и «Вперед» примкнули сразу к этим объединениям, притом именно к их левому крылу. Это еще более сблизило нас с ленинцами. Когда я переехал в Швейцарию, руководимый той мыслью, что именно в Швейцарии, где доступна всякая литература со всех сторон, и легче всего следить за войной, я сразу явился к Ленину с предложением самого полного союза.

Соглашение между нами состоялось без всякого труда. Группа «Вперед», женевская ее часть, не была объявлена распущенной, но мы решили вести одну политическую линию. К этому союзу в значительной мере примкнул и тов. Рязанов. Вообще в Швейцарии создательное течение интернационалистов, и на всех митингах мы получали решительное преобладание.

Мало того, я решился выступать с речами на французском языке: в Женеве, в Лозанне мне удавалось читать интернационалистские рефераты или говорить интернационалистские речи, причем рабочие воспринимали их порою с бурным энтузиазмом.

Я должен сказать, что пребывание мое в Швейцарии в течение двух лет (1915—1916 гг.) оставило во мне самые приятные воспоминания, но не в силу политической ситуации.

Война создала мрачные условия, успехи нового интернационала были медленны. Казалось, что какое-то безумие овладело человечеством, и мы сами чувствовали себя в значительной степени бессильными.

Я ни на минуту не покидал политической позиции: я все время продолжал устную и письменную борьбу за интернационал. Однако обе газеты, в которых я участвовал, — «День» и «Киевская мысль» — под благовидными предлогами отказались от столь опасного сотрудника.

Пожалуй, я с семьей мог бы при существовавшей тогда дороговизне совсем помереть с голоду, но к этому времени я получил небольшое наследство¹⁰⁵ и при поддержке моих друзей я перебрался. Живя около города Веве на даче, мое свободное время

я расходовал на усиленные занятия. Я занимался швейцарской литературой и особенно великим поэтом Шпителлером. Эти занятия, в результате которых получилось много еще не изданных переводов Шпителлера, имели на меня очень большое влияние, но о себе, как о поэте, мне говорить здесь нечего. Скажу только, что мне и моим друзьям кажется, что те три драмы, которые мне удалось написать уже во время революции¹⁰⁶, прямо или косвенно останутся (во всяком случае, независимо даже от большей или меньшей их художественности) любопытным памятником. Они носят на себе печать влияния К. Шпителлера.

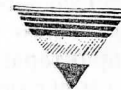
Поэтические занятия мои я считал подготовкой к той работе, которую придется, может быть, когда-нибудь сделать, которую, может быть, я уже и начал, к работе художественного синтезирования революционных эмоций.

Меня интересовали вопросы народного образования: в течение этих двух лет я обложился всякими книгами по педагогике, объезжал народные дома Швейцарии, посещал новейшие школы и знакомился с крупными новаторами в области воспитания.

Дальнейшие события вырисовывались сквозь туман разных возможностей. Между тем подходы к русской революции были для нас мало ясны, и известие о перевороте поразило нас как громом. Тотчас же начали мы готовиться к отъезду в Россию, но началась целая длинная неприятная эпопея борьбы нашей с Антантой, которая ни за что не хотела пропустить революционеров-интернационалистов на их родину.

Убедившись окончательно, что это невозможно, мы стали взвешивать мысль, которая в первую минуту показалась нам чудовищной, но которая отнюдь не испугала Ленина, — мысль о возвращении в Россию через Германию.

<1919>

ВОСПОМИНАНИЯ
ИЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО

Впервые напечатано под названием «Мое партийное прошлое» в книге: А. В. Луначарский. Великий переворот (Октябрьская революция), ч. I. Пг., изд-во З. И. Гржебина, 1919. Перепечатано (с сокращениями и исправлениями) в книге: А. В. Луначарский. Воспоминания из революционного прошлого. (Харьков), «Пролетарий», 1925.

Первоначально статья должна была делиться на главы. В машинописном тексте книги «Великий переворот по личным воспоминаниям» сохранилось название первой главы: «Как я стал социал-демократом».

¹ А. И. Антонов был родным отцом А. В. Луначарского, который носил фамилию первого мужа своей матери.

² С 1887 по 1895 год Луначарский учился в Киевской 1-й гимназии.

³ I съезд РСДРП состоялся в Минске 1—3 марта 1898 года. Съезд принял решение об объединении всех местных социал-демократических организаций в единую Российскую социал-демократическую рабочую партию и о выпуске манифеста РСДРП.

⁴ О марксистских кружках учащихся средней школы в Киеве начала 90-х годов см. статью И. Н. Мошинского (Юз. Конарского) «Десять лет в Киевском подполье» («Каторга и ссылка», 1927, № 6).

⁵ Н. А. Бердяев уже к началу XX века перешел от ревизионистски истолковываемого марксизма на философско-идеалистические, а затем откровенно реакционные религиозно-мистические позиции. Луначарский в своих ранних статьях неоднократно полемизировал с Бердяевым.

⁶ Миртов — псевдоним Петра Лавровича Лаврова, виднейшего представителя революционного народничества, автора известных «Исторических писем» (1868—1869). О личном знакомстве Луначарского с ним см. в настоящей статье.

⁷ Имеется в виду книга наиболее видного представителя «легального марксизма» 90-х годов П. Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», СПб., 1894.

⁸ М. И. Туган-Барановский, ученый-экономист, представитель «легального марксизма», в 1894 году защищал магистерскую диссертацию «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь».

⁹ Речь идет, в частности, о книге русского философа-эмпириокритика В. В. Лесевича «Что такое научная философия», СПб. 1891. В. И. Ленин, приводя название этой книги, к определению «научная» в скобках добавил: «читай: модная, профессорская, эклектическая» (Полн. собр. соч., т. 18, стр. 51).

¹⁰ Луначарский впервые уехал за границу в 1895 году.

¹¹ Книга Рихарда Авенариуса «Критика чистого опыта» в двух томах вышла на немецком языке в 1888—1890 годах.

¹² Впоследствии Луначарский подверг критике «лукавую и путаную философскую мысль Авенариуса, Маха и их сторонников и учеников», которая «соблазнила» его вместе с некоторыми другими марксистами. Луначарский признал полную правоту В. И. Ленина, неопровержимо доказавшего, «что все формы позитивизма, эмпириокритицизма, махизма и т. д. представляют собой беспорядочный идеализм, что они ничего общего с диалектическим материализмом не имеют и не могут иметь» (А. Луначарский. Ленин и литературоведение. М., «Советская литература», 1934, стр. 21—22).

¹³ П. Б. Аксельрод — один из основателей группы «Освобождение труда». Его работы 90-х годов ценил В. И. Ленин и другие русские социал-демократы. С 1900 года член редакции «Искры». С 1903 года — один из меньшевистских лидеров. В годы реакции возглавлял «ликвидаторство». К Октябрьской революции отнесся враждебно.

¹⁴ Август Форель — швейцарский невропатолог, психиатр и энтомолог. Луначарский прослушал у него в Цюрихском университете «великолепный курс гипнотизма, сопровождавшийся блестящими экспериментальными иллюстрациями». В годы первой мировой войны, живя в Швейцарии, Луначарский часто посещал Фореля, ставшего активным социалистом и приветствовавшего русскую революцию.

¹⁵ См. в настоящей книге статью «Несколько встреч с Г. В. Плехановым».

¹⁶ М. М. Ковалевский, профессор-правовед и историк, был уволен в 1887 году из Московского университета за прогрессивный образ мыслей и уехал за границу. В 1901 году основал в Париже «Высшую русскую школу общественных наук».

¹⁷ В работе Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886).

¹⁸ В своей двухтомной книге «Религия и социализм» (1908—1911) и некоторых статьях этого периода Луначарский развивал идеи так называемого «богостроительства». Стремясь «придать большую эмоциональную широту марксизму» и облегчить пропаганду социализма, который в своих «строгих и холодных формулах» якобы недоступен для широких трудящихся масс, Луначарский объявлял научный социализм новой религией (хотя и без веры в потусторонний мир), новым ответом на старые религиозные вопросы и настроения. В феврале 1909 года против этой проповеди Луначарского выступила газета «Пролетарий», а состоявшееся в июне того же года совещание большевистского центра осудило «богостроительство», «как течение, порывающее с основами марксизма». Философские воззрения Луначарского были подвергнуты критике В. И. Лениным в его работе «Материализм и эмпириокритицизм» и в

ряде статей. Впоследствии под влиянием ленинской критики Луначарский признал свои «богостроительские» взгляды грубым заблуждением.

¹⁹ В статье «О так называемых религиозных исканиях в России» («Современный мир», 1909, № 10).

²⁰ Ю. С. Гамбаров — профессор-правовед.

²¹ Е. В. Анничков — историк литературы и критик.

²² В «Автобиографической заметке» 1907 года Луначарский сообщает, что он вернулся в Москву в 1898 году. В этом году (после I съезда партии) и стали создаваться Комитеты РСДРП. До 1898 года в Москве существовал «Рабочий союз».

²³ В связи с судебным процессом Серебряковой, происходившим в 1926 году, Луначарский написал предисловие к брошюре: И. В. Алексеев. История одного провокатора. Изд. Моск. Губсуда, 1925.

²⁴ Луначарский был арестован 13 апреля 1899 года по обвинению «в организации кружков и революционной деятельности среди рабочих г. Москвы».

²⁵ Заключение в Киевской тюрьме, о котором упоминает здесь Луначарский, не предшествовало пребыванию в Таганской тюрьме, а последовало за ним и относится к 1900 году. См. в настоящей книге статью «В Киевской Лукьяновской тюрьме» и примечания к ней.

²⁶ Неточность: Луначарский был освобожден из Таганской тюрьмы 8 октября 1899 года.

²⁷ А. А. Богданов (Малиновский) — социал-демократ, философ, социолог, экономист, по профессии врач. После II съезда РСДРП-примкнул к большевикам. Как член Бюро комитетов большинства вел в России работу по подготовке III съезда партии. На III, IV, V съездах избирался в члены ЦК. Входил в редакцию большевистских газет «Новая жизнь» и «Пролетарий».

В вопросах философии стремился создать собственную систему «эмпириомонизма» (разновидность субъективно-идеалистической философии), подвергнутую критике в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В годы реакции Богданов возглавил отзовистов, организовал антипартийную группу «Вперед». На совещании расширенной редакции «Пролетария» был исключен из состава «большевистского центра» и вскоре окончательно порвал с партией.

В 1918—1920 гг. был одним из руководителей и теоретиков Пролеткульта. С 1926 года стал директором основанного им Института переливания крови, погиб, произведя на себе неудачный эксперимент.

²⁸ С. Н. Булгаков, экономист и философ, первоначально один из представителей «легального марксизма», уже к началу 900-х годов перешел на реакционные философско-идеалистические позиции. После Октября стал священником, эмигрировал из Советской страны.

²⁹ Рихард Демель — немецкий поэт и драматург конца XIX — начала XX века. Перевод двух стихотворений Демеля «Демон желаний» и «Освобожденный Прометей» был напечатан в 24-м сборнике т-ва «Знание» за 1908 год со вступительной заметкой Луначарского, подписанной буквами А. Л. Можно предполагать, что и перевод этих стихотворений принадлежит ему.

³⁰ А. М. Ремизов — писатель-декадент, идеализировавший старину в своих, большей частью стилизаторских, произведениях.

³¹ Б. В. Савинков — член боевой организации партии эсеров, после Октябрьской революции организатор ряда контрреволюционных митингов, затем белоэмигрант. В связи с судебным процессом по делу Савинкова, состоявшимся в августе 1924 года, Луначарский написал о нем статью «Артист авантюры» («Правда», 1924, № 201, 5 сентября).

³² Луначарский выехал из Помотняного завода 26 января 1902 года и приехал в Вологду 2 февраля 1902 года. См. в настоящей книге статью «Из вологодских воспоминаний».

³³ Речь идет о цикле рассказов «Маленькие фантазии», печатавшихся в журнале «Русская мысль» (1902) и в газете «Курьер» (1903).

³⁴ Статья «Трагизм жизни и белая магия».

³⁵ Сборник «Очерки реалистического мировоззрения» вышел в 1904 году, сборник «Проблемы идеализма» — в 1902 году.

³⁶ Луначарский приехал в Тотьму 31 марта 1903 года.

³⁷ Статья «Н. Ленау и его философские поэмы» была напечатана в книге: Н. Ленау. Фауст. Поэма. СПб., «Образование», 1904. Перевод свой Луначарский опубликовал здесь под псевдонимом: А. Аютин.

³⁸ «Этюды критические и полемические». М., изд. журн. «Правда», 1905.

³⁹ Имеется в виду книга: Р. Авенариус. Критика чистого опыта в популярном изложении А. Луначарского. — Новая теория позитивного идеализма. Критическое изложение А. Луначарского. М., изд. С. Дороватовский и А. Чарушников, 1905.

⁴⁰ Неточность: срок ссылки закончился 15 мая 1904 года.

⁴¹ В. В. Водовозов — публицист и экономист, член народно-социалистической партии.

⁴² В августе и сентябре 1904 года Луначарский напечатал в «Киевских откликах» статью «Задачи театральной критики» и 9 рецензий на спектакли киевских драматических театров.

⁴³ Л. Я. Карпов после Октябрьской революции был членом президиума Высшего Совета Народного Хозяйства.

⁴⁴ На самом деле «примиренцы» своей половинчатой политикой играли на руку меньшевикам. Так называемая «июльская декларация», принятая группой примиренцев из ЦК летом 1904 года, означала открытую поддержку меньшевиков. На совещании 22-х большевиков, состоявшемся в конце июля — начале августа 1904 года под руководством Ленина, эта позиция была подвергнута уничтожающей критике.

⁴⁵ Псевдоним одного из виднейших большевиков И. Ф. Дубровинского (1877—1913).

⁴⁶ Министр внутренних дел и шеф жандармов В. К. Плеве был убит эсером Е. Сазоновым 15 июля 1904 года.

⁴⁷ Луначарский приехал в Париж в октябре 1904 года.

⁴⁸ Редакция меньшевистской «Искры» уже в ноябре 1904 года объявляла либеральную буржуазию союзником пролетариата («хотя и нерешительным») и призывала социал-демократические организации принять участие в собраниях либеральных земцев, ходатайствовавших о конституции, заключать с ними соглашения о мирном манифестировании и т. п.

⁴⁹ С. А. Суворов — социал-демократ, во время революции 1905 года — большевик. Вместе с Богдановым, Базаровым, Луначарским выступил в сборниках «Очерки реалистического мировоззрения» (1904) и «Очерки по философии марксизма» (1908). Ленин посвящает критике философских статей Суворова один из параграфов книги «Материализм и эмпириокритицизм».

⁵⁰ Луначарский выехал в Женеву в декабре 1904 года.

⁵¹ Нелегальные большевистские еженедельные газеты «Вперед» и «Пролетарий» издавались в Женеве. Первая с 22 декабря 1904 года (4 января 1905) по 5(18) мая 1905 года, вторая — с 14(27) мая по 12(25) ноября 1905 года. О работе редакций этих газет см. в настоящей книге статьи «Опять в Женеве», «Из воспоминаний о товарище Галерке», «Ленин как редактор».

⁵² Третий съезд РСДРП состоялся в Лондоне 12—27 апреля (25 апреля — 10 мая) 1905 года. На съезде, проходившем под руководством Ленина, присутствовали только делегаты-большевики. Меньшевики отказались от участия в съезде и собрались в Женеве на свою конференцию. Съезд помог выйти из кризиса, переживавшегося партией по вине меньшевиков-раскольников, пересмотрел организационные формы работы партии и выработал стратегию и тактику пролетариата и его партии в переживаемый революционный момент.

Луначарский выступал на съезде с докладом о вооруженном восстании. В своей статье «Большевики в 1905 году» он вспоминал через 20 лет: «Владимир Ильич дал мне все основные тезисы доклада. Мало того, несмотря на мою манеру никогда не записывать никаких своих речей, а говорить импровизированно, он потребовал на этот раз, чтобы я всю свою речь написал и дал ему предварительно прочесть. Ночью, накануне заседания, где должен был иметь место мой доклад, Владимир Ильич внимательнейшим образом прочитал мою рукопись и вернул ее с двумя-тремя незначительными поправками, что неудивительно, потому что, насколько я помню, я в моей речи исходил из самых точных и подробных указаний Владимира Ильича («Пролетарская революция», 1925, № 11, стр. 54).

⁵³ Луначарский имеет в виду, что эти видные участники революционного движения в годы, непосредственно предшествовавшие Октябрю, вели менее заметную партийную деятельность; в период же Октябрьской революции они были выдвинуты на руководящую политическую работу: В. Д. Бонч-Бруевич был в 1917—1920 годах управляющим делами Совета Народных Комиссаров; С. И. Гусев в 1917 году стал секретарем Петроградского военно-революционного комитета, а после Октября был членом Реввоенсовета и начальником Политуправления Красной Армии, заведующим отделом печати ЦК партии, членом Президиума Исполкома Коминтерна.

⁵⁴ Партийный псевдоним М. Г. Цхакая, одного из старейших деятелей партии большевиков, работавшего впоследствии на руководящих советских и партийных постах в Грузии.

⁵⁵ Вероятно, имеется в виду Д. С. Постолюкский, социал-демократ, избранный на III съезде партии в члены ЦК. Был официальным представителем ЦК РСДРП в Исполнительном комитете Петербургского Совета рабочих депутатов. В годы реакции отошел от политической деятельности. После Октябрьской революции работал в Государственной Комиссии законодательных предположений при СНК СССР.

⁵⁶ Ленин употреблял в это время формулировку: «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Так называлась его статья, напечатанная в газете «Вперед» от 12 апреля (30 марта) 1905 г. (см.: Полн. собр. соч., т. 10).

В дальнейшем все цитаты из произведений В. И. Ленина приводятся по Полному собранию сочинений, с указанием тома и страницы.

⁵⁷ См. в настоящей книге статью «9 января и ленинская эмиграция».

⁵⁸ Луначарский уехал в Италию летом 1905 года.

⁵⁹ Луначарский здесь преувеличивает роль и силу Петербургского Совета рабочих депутатов. Ленин писал в 1906 году о том, что «Советы являются зачатками революционной власти», а «их сила и значение зависят всецело от силы и успеха восстания» (т. 12, стр. 231). В 1905 году Совет, не считаясь с учреждениями царского правительства, издавал свои постановления и распоряжения, явочным порядком вводил 8-часовой рабочий день, провели ряд революционных мер. Но в Петербурге обстановка была наименее благоприятна. Здесь Совет как «орган новой власти был наиболее слаб, а старая власть наиболее сильна» (т. 12, стр. 317). Петербургский Совет, в котором руководство захватили меньшевики, не выполнил своей главной роли — не стал органом вооруженного восстания и борьбы за свержение самодержавия. 3 декабря 1905 года исполком и значительная часть депутатов Совета были арестованы.

⁶⁰ Важнейшей задачей партии в это время являлась подготовка народных масс к решительной схватке с царизмом. Этим и вызывалось стремление к преодолению разобщенности в пролетарских рядах, к восстановлению единства партии.

⁶¹ П. П. Румянцев — литератор-марксист, в период революции 1905 года — большевик. В 1906—1907 годах был редактором журнала «Вестник жизни». В годы реакции отошел от политической деятельности.

⁶² Н. Минский (Н. М. Виленкин, 1855—1937) — поэт символистско-декадентского направления. Начал литературную деятельность с гражданских стихов либерально-народнического характера. В 80-х годах выступил с защитой «чистого искусства». Был одним из организаторов и участников «Религиозно-философского общества». В 1905 году испытал увлечение революционными событиями, написал стихотворный «Гимн рабочим». В годы реакции эмигрировал за границу, где стал выступать с критикой революционной идеологии. За границей он остался и после Октябрьской революции, не примкнув, однако, к той части эмиграции, которая была враждебна Советской власти. В 20-е годы являлся сотрудником советского полпредства в Англии.

⁶³ В «Новой жизни» в первое время печатались и некоторые литераторы, связанные с декадентским лагерем: К. Бальмонт, З. Венгерова, Таффи, Р. Чулков.

⁶⁴ «Новая жизнь» была закрыта 3(16) декабря 1905 года.

⁶⁵ Ежедневная легальная большевистская газета «Волна» выходила в Петербурге с 26 апреля (9 мая) по 24 мая (6 июня) 1906 года.

⁶⁶ Взамен «Волны», с 26 мая (8 июня) по 14(27) июня выходила газета «Вперед», а затем с 22 июня (5 июля) по 7(20) июля — газета «Эхо».

⁶⁷ Ф. И. Дан (Гурвич) — один из лидеров меньшевизма. После Октябрьской революции — активный противник Советской власти.

⁶⁸ В 1906 году в ночь с 17 на 18 июля в крепости Свеаборг (близ Гельсингфорса) стихийно вспыхнуло восстание солдат и матросов. Когда выяснилась невозможность сдержать стихийное выступление, во главе его встали большевики (подпоручики Емельянов и Коханский). 20 июля после обстрела крепости военными кораблями восстание было подавлено.

⁶⁹ Большевики в 1906 году вели работу среди крестьянства и в других местах, добиваясь единства революционных выступлений в городе и деревне (см. «Историю Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, М., 1966, стр. 194—196. Там же см. о работе организаций РСДРП в армии и на флоте).

⁷⁰ О IV (Объединительном) съезде РСДРП, происходившем с 10 (23) апреля по 25 апреля (8 мая) 1906 года Луначарский писал в статье «Стокгольмский съезд» («Пролетарская революция», 1926, № 5).

⁷¹ Г. А. Алексинский — до Октября социал-демократ, один из руководителей группы «Вперед». С начала империалистической войны занял ультрашовинистическую позицию. В июльские дни 1917 года опубликовал подложные документы с целью скомпрометировать Ленина и большевиков. После Октября примкнул к лагерю белогвардейцев. Уже до революции приобрел заслуженную репутацию не стесняющегося в средствах интригана.

⁷² Речь идет о происходивших в 1906—1907 годах партизанских действиях рабочих дружин против военно-полицейского правительственного аппарата. Ленин придавал важное значение этой начатой по инициативе масс партизанской войне. «Нам надо, — писал он в феврале 1906 года, — не удерживать, а поощрять партизанские выступления боевых дружин, если мы не на словах только хотим готовить восстание и признали пролетариат всерьез готовым к восстанию» (т. 12, стр. 184). Ленин написал в марте 1906 года к IV съезду РСДРП проект специальной резолюции «Партизанские боевые выступления» (см. т. 12, стр. 228—229).

⁷³ Выборы в I Государственную думу происходили в начале 1906 года, когда появились признаки нового подъема революции. Поэтому большевики проводили тактику активного бойкота Думы. Когда стало ясно, что происходит спад революционной волны, они взяли на вооружение и думские формы борьбы. На выборах во II Государственную думу, состоявшихся в начале 1907 года, большевики отбросили лозунг бойкота, стремясь использовать думскую трибуну в интересах революционной агитации и сближения социал-демократов с революционным крестьянством, для высвобождения его из-под влияния либеральной буржуазии.

⁷⁴ Группа «Вперед» откололась от большевизма в 1909 году. По определению В. И. Ленина, эта группа, склеенная «из разнородных антимарксистских элементов» («махизм» и «отзовизм»), была «порождением эпохи развала и распада» (т. 25, стр. 355, 358—359). Характеризуя разношерстный состав и платформу этой группы, Ленин писал с сокрушительной силой, что «штаб фракции божественных отзовистов составляют непризнанные философы, осмеленные богостроители, уличенные в анархистском недомыслии и бесшабашной революционной фразе отзовисты, запутавшиеся ультиматисты, наконец, те (немногие, к счастью, в большевистской фракции) боевики, которые сочили ниже своего достоинства переход к невидной, скромной, лишенной внешнего блеска и «яркости» революционной социал-демократической работе, соответствующей условиям и задачам «межреволюционной» эпохи» (т. 19, стр. 96—97). Критикуя «впередовцев» за их ошибки, Ленин и его сторонники не закрывали дверей в партию для участников группы, «добросовестно увидавших ошибки «Впереда» и возвращающихся от «Впереда» к партии» (т. 25, стр. 358). После Февральской революции значительная часть бывших «впередовцев» вернулась в ряды партии большевиков.

⁷⁵ Название Петербургской тюрьмы.

⁷⁶ Пьеса в стихах «Королевский брадобрей» была выпущена петербургским издательством «Дело» в 1906 году. Поставлена на сцене в годы гражданской войны: в 1918 году — Латышским рабочим театром в Петрограде, в 1919 году — московским Театром драмы и комедии и др.

⁷⁷ Б. Г. Столпнер — историк философии, переводчик.

⁷⁸ Г. С. Петров — священник, депутат II Государственной думы, популярный проповедник и оратор. После закрытия Думы был лишен священнического сана и выслан из столицы.

⁷⁹ На основании предисловия к брошюре К. Каутского «Русский и американский рабочий» Луначарский обвинялся в том, что «оказал дерзостное неуважение верховной власти, порицал образ правления, установленного Росейскими основными законами и возбуждал к бунту». Обвинительный акт, составленный 30 августа 1906 года, устанавливал, что Луначарский подлежит суду С.-Петербургской судебной палаты.

⁸⁰ Луначарский уехал из России в феврале 1907 года.

⁸¹ Имеется в виду борьба Ленина против группы «Вперед». См. примечание 74.

⁸² На январском пленуме Центрального Комитета РСДРП в 1910 году были осуждены и признаны опасными оба отклонения от революционной социал-демократической тактики, охарактеризованные как «проявление буржуазного влияния на пролетариат»: ликвидаторство и отзовизм.

О группе «Вперед» в резолюции было сказано: «ЦК регистрирует литературную группу «Вперед» как партийную издательскую группу». Но в то же время ЦК предлагал «выработать проект мер к тому, чтобы... существование обособленной группы стало излишним» («Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 7-е. Часть I. Госполитиздат, 1954, стр. 241).

⁸³ «Первая Высшая социал-демократическая пропагандистско-агитаторская школа для рабочих» на острове Капри была использована ею

организаторами, стоявшими на позициях отзовизма, ультиматизма и богостроительства, во фракционных целях. Собрание расширенной редакции большевистской газеты «Пролетарий» в июле 1909 года осудило каприйскую школу как фракционную. Впоследствии среди слушателей школы произошел раскол. Слушатели-ленинцы, включая одного из инициаторов школы — Н. Е. Вилонова («Михаила»), были исключены из школы и в ноябре 1909 года отправились в Париж, где прослушали лекции В. И. Ленина. Под впечатлением беседы с Вилоновым Ленин писал Горькому: «Я рассматривал школу только как центр новой фракции. Оказалось, это неверно — не в том смысле, чтобы она не была центром новой фракции (школа была этим центром и состоит таковым сейчас), а в том смысле, что это неполно, что это не вся правда. Субъективно некие люди делали из школы такой центр, объективно была она им, а кроме того, школа черпнула из настоящей рабочей жизни настоящих рабочих передовиков. Вышло так, что, кроме противоречия старой и новой фракции, на Капри развернулось противоречие между частью социал-демократической интеллигенции и рабочими-русаками, которые вывезут социал-демократию на верный путь во что бы ни стало и что бы ни произошло, вывезут вопреки всем заграничным склокам и сварам, «историям» и пр. и т. п. Такие люди, как Михаил, тому порукой» (т. 47, стр. 219).

⁸⁴ Неточность: занятия в каприйской школе начались 5 августа (23 июля) 1909 года и закончились в декабре этого же года.

⁸⁵ О Ф. И. Калинин см. в настоящей книге статью «Из воспоминаний о почивших борцах за пролетарскую культуру».

⁸⁶ Под именем Якова в Каприйской школе учился К. А. Алферов, железнодорожный техник, затем монтер по уличному освещению, член подпольного комитета РСДРП городского района г. Москвы (от этого районного комитета послан в школу), был избран секретарем школы. В 1910 г., по возвращении в Россию, арестован, выданный провокатором. С декабря 1918 г. в рядах Коммунистической партии. Работал в Комитете государственных сооружений и в НКПС.

⁸⁷ Международный социалистический конгресс в Копенгагене проходил с 28 августа по 3 сентября 1910 года.

⁸⁸ Луи де-Брукер — бельгийский социалист, член Международного Социалистического Бюро. Впоследствии социал-шовинист, выступавший против коммунистов и СССР.

⁸⁹ Международный социалистический конгресс в Вене был назначен на август 1914 года. Из-за начала империалистической войны конгресс не состоялся.

⁹⁰ Занятия в Болонской школе начались 21 ноября 1910 года.

⁹¹ А. М. Коллонтай — профессиональная революционерка, видная деятельница международного социалистического движения. В партии большевиков с 1915 года. После Октябрьской революции на ответственной государственной, партийной и дипломатической работе; первая женщина, занимавшая должности наркома и посла.

⁹² М. Павлович (М. Л. Вельтман) — до революции социал-демократ-меньшевик, после 1917 года — коммунист. Работал в Наркоминделе и

Народном комиссариате по делам национальностей. Автор ряда работ об империализме.

⁸³ П. П. Маслов — один из ранних русских марксистов, автор ряда работ по аграрному вопросу. После раскола партии примкнул к меньшевикам. После Октября работал в Госплане СССР, был избран членом Академии наук СССР.

⁸⁴ Неточность: в эти годы Луначарский как театральный критик сотрудничал не в «Вестнике театра», а в еженедельнике «Театр и искусство».

⁸⁵ В книге «Этюды критические. Западноевропейская литература». М.—Л., «Земля и фабрика», 1925.

⁸⁶ О П. К. Бессалько см. в настоящей книге статью «Из воспоминаний о погибших борцах за пролетарскую культуру».

⁸⁷ А. К. Гастев — пролетарский поэт, в 20-х годах — директор Центрального института труда (ЦИТ).

⁸⁸ См. в настоящей книге статью «Война! (Из личных воспоминаний)».

⁸⁹ В. М. Чернов — вождь и идеолог партии эсеров. После Октября вел активную борьбу против Советской власти.

¹⁰⁰ Жюль Гед — французский социалист, многолетний руководитель марксистского рабочего движения во Франции. С начала первой мировой войны стал оборонцем, вошел в состав буржуазного правительства.

¹⁰¹ Марсель Самба — один из руководителей французской социалистической партии. Во время первой мировой войны — ярый социал-патриот, вошел в состав буржуазного правительства.

¹⁰² Имеется в виду «Голос», газета интернационалистического крыла меньшевиков, издававшаяся в Париже при участии некоторых бывших большевиков, с 13 сентября (31 августа) 1914 года. 13 января 1915 года «Голос» был закрыт французским правительством по настоянию русского посольства.

¹⁰³ «Наше слово» — социал-демократическая газета, сменившая «Голос» и выходившая в Париже в 1915—1916 году.

¹⁰⁴ В Циммервальде (Швейцария) в сентябре 1915 года состоялась международная социалистическая конференция, которая явилась, по определению В. И. Ленина, «первым шагом» в развитии интернационального движения против войны. Конференция приняла манифест, который призвал мировую войну империалистической, осудил поведение «социалистов», голосовавших за военные кредиты и принимавших участие в буржуазных правительствах, призвал рабочих развернуть борьбу против войны за мир без аннексий и контрибуций. 2-я Циммервальдская конференция состоялась в апреле 1916 года в швейцарской деревне Кинталь. На этой конференции левое крыло было сильнее, чем на предыдущей. Кинтальская конференция способствовала выделению интернационалистических элементов, из которых впоследствии образовался Коммунистический Интернационал.

¹⁰⁵ Имеется в виду наследство, оставленное матерью Луначарского, умершей в 1914 году.

¹⁰⁶ Речь идет о пьесах Луначарского, написанных в 1918—1919 годах: «Маги», «Василиса Премудрая» и «Иван в раю».

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ АВТОБИОГРАФИИ

Печатается впервые по машинописи, хранящейся в Центр. гос. архиве литературы и искусства (ф. 279, оп. I, ед. хр. 117). Текст, следующий за печатаемым отрывком, в основном совпадает с текстом «Воспоминаний из революционного прошлого».

НЕСКОЛЬКО ВСТРЕЧ

С ГЕОРГИЕМ ВАЛЕНТИНОВИЧЕМ ПЛЕХАНОВЫМ

Впервые напечатано в журнале «Под знаменем марксизма», 1922, № 5—6.

¹ Неточность: Луначарский уехал учиться в Цюрих после окончания гимназии в 1895 году.

² Работа «Наши разногласия», в которой Плеханов подверг критике народнические воззрения, написана им в 1884 году и издана в 1885 году.

³ Герман Грейлих — швейцарский социалист. Во II Интернационале занял место на правом, оппортунистическом фланге.

⁴ См. примечание 12 к статье «Воспоминания из революционного прошлого».

⁵ Имеется в виду книга Плеханова «Очерки по истории материализма» (1896).

⁶ Франсуа Буше — французский живописец и гравер XVIII века.

⁷ Вильгельм Гаузенштейн — немецкий искусствовед XX века. В 1923 году Луначарский посвятил характеристике его взглядов на искусство специальную статью.

⁸ Седьмой Международный социалистический конгресс в Штутгарте происходил в августе 1907 года.

⁹ См. примечание 100 к статье «Воспоминания из революционного прошлого».

¹⁰ См. примечание 69 к статье «Воспоминания из революционного прошлого».

¹¹ См. примечание 87 к статье «Воспоминания из революционного прошлого».

¹² Поль Лафарг — видный деятель международного рабочего движения, один из основоположников французской Рабочей партии, друг и ученик К. Маркса и Ф. Энгельса.

¹³ Эмиль Вандервальде — руководитель бельгийской рабочей партии и один из лидеров II Интернационала, реформист и оппортунист, враг СССР.

¹⁴ Август Бебель — виднейший представитель международного рабочего движения второй половины XIX и начала XX века, один из руководителей германской социал-демократии, рабочий-токарь.

¹⁵ А. М. Деборин — советский ученый-философ, академик.

СОДЕРЖАНИЕ

И. Трифонов. Луначарский-мемуарист 5

1. НА ПУТЯХ К ОКТЯБРЮ

Воспоминания из революционного прошлого	15
Из неопубликованной автобиографии	54
Несколько встреч с Георгием Валентиновичем Плехановым	57
Из воспоминаний о Жане Жоресе	66
В киевской Лукьяновской тюрьме	73
Из вологодских воспоминаний	78
Ленин из красного мрамора	84
Опять в Женеве	89
Из воспоминаний о товарище Галерке	98
9 января и ленинская эмиграция	104
Из воспоминаний о Ленине в 1905 году	107
Ленин как редактор	118
Мое берлинское приключение	125
Война! (Из личных воспоминаний)	134
Свержение самодержавия. (Несколько воспоминаний)	141
Приезд Ленина. (Несколько воспоминаний)	144
Июльские дни	147
В Крестах	152
Идеология накануне Октября	155

2. В РЯДАХ СТРОИТЕЛЕЙ СОЦИАЛИЗМА

Смольный в великую ночь	171
Из Октябрьских воспоминаний	175
Из статьи «Ленин и литературоведение»	178
Как мы заняли Министерство народного просвещения	180
Ленин в Совнарком	185
Один из культурных заветов Ленина	188
Ленин и искусство. (Воспоминания)	191
Ленин о монументальной пропаганде	197
Из статьи «К столетию Александринского театра»	201
Из статьи «К 200-летию Всесоюзной академии наук»	204
Первое мая 1918 года. (Эскизы из записной книжки)	208
Яков Михайлович Свердлов	213
Моисей Соломонович Урицкий	218
Товарищ Володарский	223

Из воспоминаний о фронте	229
Из воспоминаний о почивших борцах за пролетарскую культуру	235
Ф. Э. Дзержинский в Наркомпросе	240
Памяти друга	245
И. И. Скворцов-Степанов	248

3. ВСТРЕЧИ С ЛЮДЬМИ ИСКУССТВА И НАУКИ

Первое знакомство с Художественным театром. (<i>К тридцатилетию театра</i>)	257
Из статьи «Певец парижской голытьбы»	260
Горький на Капри. (<i>Несколько воспоминаний</i>)	262
В. Я. Брюсов	268
На советские рельсы	275
Несколько воспоминаний о Ю. М. Юрьеве	287
Из статьи «Станиславский, театр и революция»	292
Три встречи. (<i>Из воспоминаний об ушедших</i>)	297
Из личных воспоминаний. (<i>Об А. Р. Кугеле</i>)	310
Умер А. А. Бахрушин	314
Памяти ученого и общественника	317
Апри Барбюс. (<i>Из личных воспоминаний</i>)	319
Разговор с Гербертом Уэллсом	327
У Романа Роллана	333
Примечания	337

Анатолий Васильевич
Луначарский

ВОСПОМИНАНИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Редактор Н. С. Хехловская, Художник К. Высоцкая, Худож. ред. В. В. Щукина, Техн. ред. Е. А. Ельская, Корректор К. А. Александрова.

Сд. в наб. 24/IV-67 г. Подп. к печ. 6/XII-67 г. Формат бум. 60×84¹/₁₆. Физ. печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 21,1. Изд. инд. ХД-61. А12378. Тираж 75 000 экз. Цена 86 коп. в переплете. Бум. № 1.

Издательство «Советская Россия», Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, г. Электросталь Московской области, Школьная, 25. Заказ № 379.